

Тёплые связи бытия

ШАГИ ВО ВРЕМЕНИ. БЕЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *Недавно вышла книга, посвящённая памяти выдающегося российского философа Александра Павловича Огурцова (1936–2014)¹. В ней участвуют его друзья, коллеги и ученики, с кем ему было свободно жить и мыслить. Философия для А.П. Огурцова представляла предельный способ отношений человека и мира, тематизацию смыслов такого отношения к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому. Особое внимание он направлял на философию науки. Она не имеет ничего общего с одноимённой позитивистской универсальной систематикой, которую сегодня «открывают» заново и заставляют учить студентов, магистрантов и аспирантов. Главным для А.П. Огурцова было чувство «материкового слоя», фундаментального исторического залегания любого научного знания, выражающего себя в логике, которая может быть открыта только философу и закрыта для систематизатора. Образ мысли А.П. Огурцова был образом его жизни. В книге рассматриваются основные вехи его жизненного пути, философского наследия и политико-мировоззренческого выбора. Он был также постоянным автором нашего журнала, участвовал в конференциях, организованных Центром политической концептологии ЮФУ.*

Помещаем фрагменты книги. Сердечно благодарим Светлану Сергеевну Неретину за предоставленный материал.

Ключевые слова: *Александр Павлович Огурцов, жизнь, творчество, образ мысли.*

Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?

Я назвала эту книгу в параллель книге Э. Жильсона «Философ и теология», в которой Жильсон подчеркнул единичность, одинокость и персональность философа в отличие от теологии, из которой, по мнению многих философов, родилась наука, дающая, как считается, объективные знания о действительности, т. е. действующая безлично. Это название к тому же подчёркивается последней прижизненной публикацией Александра Павловича «Поражение философии», в которой он акцентировал опасность, идущую для философии от религии. Дело, разумеется, не в самой религии, а в попытках заслонения ею философии, банализации понятий и пр.

Александр Павлович Огурцов умер в то время, как наша институтская группа по изучению латинского языка переводила Августинов трактат «О диалектике». Для Саши, Алексан-

¹ См.: Философ и наука. Александр Павлович Огурцов. / Отв. ред. С.С. Неретина. — М.: Голос, 2016.

дра Павловича Огурцова (АП), весьма подходит метафора лозы, напоминающая латинскую букву «v». Августин в этом трактате так написал об этой букве: «Никто ведь не отрицает, что слоги, в которых буква „v“ выполняет функцию согласного звука, например, первые слоги в таких словах, как „vafer, хитрый“, „velum, покрывало, завеса“, „vinum, вино“... „vulnus, рана“, издают жёсткий и твёрдый звук... Следовательно, когда мы говорим „сила, vis“, то суровый звук слова <...> совпадает с вещью, которую обозначает» [Augustinus 1975: 87].

Всё это будто сказано о нём — и вино, и хитрость, и завеса, и рана, и сила, в которой знание, и страшное «venit», «ушёл».

Августин слова со звуком «v» называет неистовыми (violens), связанными с цепями (vincula) и «лозой» (vimen). «Оттого и земля, которая извивается и проторена ногами путников, называется путём-дорогой (via)», потому что путь проторён «силой ног» (vi pedum). Вот эта сила, вогнутость-выгнутость, зримо представленная фигурой АП, была характеристикой его мысли. Лоза легко — натянутая тетива — превращалась в лук, быстро и метко выстреливающий. Да и спиритуальные мотивы, коренящиеся в этой букве, в случае АП вели к выяснению истины. Родные, друзья и знакомые знали, что в моменты наивысшего подъёма этого духа, он говорил: «Я сейчас правду говорю», и она всегда была нелицеприятной. Моя невестка, Наталья Анзимилова, врач, долго упорно «ведшая» АП по тропам болезни, кричала мне из дачной беседки в дом: «Светлана Сергеевна, уводите Сашу, он собирается правду говорить!» Но что невестка! — друзья и коллеги опасались его правды, некоторые превращались в недругов.

Философия владела всей его жизнью, она была его жизнью. Он собою являл мысль. Я была другом, повседневной необходимостью до тех пор, пока он не опознал и во мне толику той же закваски, тогда я стала женой и соавтором. Дело было именно в общей ориентированности жизни. Мой смысл жизни состоял в том числе в получении этого признания и одобрения. Его же смысл — быть каждодневно Гераклом, поднимавшим над землёй Антея. Стихотворение Беллы Ахмадулиной «Когда моих товарищей корят...» было одним из любимых.

«Не думаю, что идея смерти автора справедлива и имеет какие-то перспективы, — писал он. — Конечно, в современной массовой культуре проблема авторства стала весьма острой. Наука стала также Большой наукой, практически массовым производством. С этим, очевидно, связаны такие явления, как большое число соавторов в исследованиях по физике, космологии и т. д. Что же касается меня, то все мои статьи — авторские. Они отличаются авторской позицией, хотя она нередко скрыта за историко-философским изложением. В таком изложении историко-философских позиций надо увидеть моё „препарирование“ истории философии, авторскую интенцию, проведённую на историко-философском материале. Другой человек, с другой интенцией, может препарировать историю философии иначе, увидеть в ней иного рода подходы и ракурсы» [Резник 2010: 417].

Его отношение к авторству сравнимо с позицией М.М. Бахтина, тоже прятавшего себя в тексте. Но только Бахтин это делал, давая слово своим героям в полифоническом диалоге, а он давал слово науке. Это свойство науки — прятать автора. Но разве нельзя допустить, что Бахтин понял это свойство науки и применил его к совершенно иному подходу?

Владимир Товиевич Кудрявцев впечатление от его мысли выразил так: «„Философия науки“ Александра Павловича Огурцова близко не напоминала одноимённой — позитивистской универсальной систематики, которую сегодня переоткрывают заново и заставляют учить студентов, магистрантов и аспирантов. Это было чувство „материкового слоя“, как пишет Александр Рубцов, фундаментального исторического залегания любого научного знания. В логике, которая может быть открыта только философу и закрыта для систематизатора».

Занимался ли он философией науки? Да, конечно — в том именно смысле, в котором говорил Кудрявцев. Теорией культуры, образования, методологией? — Да, в том именно

смысле. То есть собственно и только философией. Так уж случилось, что я была свидетелем рождения всех книг, и его собственных, и наших совместных. Иногда я говорила: вот эта глава или раздел, — не слишком ли реферативны? Пусть, отвечал он, мысль становится виднее, ясно, как она движется, да и многие не знают этих вещей. Из этого родилась легенда о его энциклопедизме. Он морщился, когда его так называли. Всё на деле шло от того самого материка. Я видела его каждый день, последние три года, когда болезнь овладела им, почти ежедневно, а в эти часы — почти ежеминутно. Я видела, что он читал, что и как он писал, сама за ним читала то же, но когда он выступал на семинарах, конференциях, симпозиумах, отвечал на вопросы, я диву давалась: не могла понять, откуда вдруг появлялось то, о чём не было в этих книгах и статьях, новых или старых.

«Он справился с жизнью», — сказал о нем Александр Евгеньевич Разумов, и это действительно так. Он справился со многими болезнями, с исключением в 1968 г. из компартии, что в то время было «чёрной меткой», он спокойно и самостоятельно уходил с должностей, не столь, правда, больших, с заведования Отделом науки и техники Института философии РАН, Центром методологии и этики науки... Он справился даже со мной. Он был уверен в себе, поскольку был ироничен, многопланов, жизнелюбив. В интервью журналу «Личность. Культура. Общество» он говорил: «Я философ-одиночка, хотя почти все мои книги выпущены в соавторстве с другими людьми, но я человек общительный и быстро нахожу и возможность совместной работы, и общие точки соприкосновения с другими позициями» [Резник 2005: 336].

В действительности он был авантюристом. Он исследовал разные пути познания, менял позиции, ракурсы, аспекты. И со *своего* (старого ли, нового) его сбить было нельзя.

Он сам написал свою биографию. Скупое, без особых подробностей: родился, жил, писал, интересовался тем-то и тем-то. Эдакая сводка. Одна подробность, ему не принадлежащая, втёрлась в его *currículum vitae* — он не был профессором. Сам он написать этого не мог. Более того: предупредил, что он не профессор. В интервью Ю.М. Резнику в ответ на вопрос «Почему Вы не стали членом РАН?»² сказал, что «вопрос, конечно, интересный. Но хотел бы напомнить, что у меня нет даже профессорского звания» [Там же: 340]³. Скорее всего, вставил кто-то, искренне уверенный, что так оно и было. Да и все были уверены — те, кто его не знал, но зачем-то искал, заглядывая в нашу комнату, всегда спрашивали, где найти профессора Огурцова. А я, подсмеиваясь, отвечала, что профессор в нашей комнате одна я.

Александр Павлович родился 14 сентября 1936 г. в Москве в семье преподавателя истории Павла Ивановича Огурцова (1912–1976). Его мать, Анна Степановна Огурцова, урождённая Осина (1912–1979), была домохозяйкой. Отец к моменту его рождения был директором школы, слава богу, для девочек, т. е. Саша не был его учеником, а значит, не был и предметом всяческих уязвлений со стороны школьников (сын директора!). А поскольку отец был директором, то у них была отдельная квартира при школе, что в ту пору было большой редкостью. Потом Павел Иванович был доцентом в Заочном политехническом институте. Его семья, а потом и он сам почти всегда жили в округе Таганки: сначала в Воротниковском переулке, потом на рабочей улице, по окончании МГУ и после развода с первой женой снимал комнату в доме за театром на Таганке, затем на Открытом шоссе, где возле дома — после исключения из КПСС — торчал «воротник», и его мама, поглядев в окно, говорила: «За тобой» (подразумеваемая — «следят»). После трагической смерти третьей жены жил на Рогожском валу. Мы

² АП однажды в конце 1990-х, кажется, году был выдвинут «в академики» общим собранием Института философии, но не стал и документы собирать, сказал, что их много, к тому же его возмутило предостережение одного из членов РАН, что ставка будет на совсем другого человека, который, кстати, не прошёл.

³ Ю.М. Резник, который брал это интервью, всё же оставил в заглавии слово «профессор», исполнив недоигранную ВАКом роль.

жили и на Рогожском, и на ул. Корнейчука, и на Волгоградском проспекте возле м. «Пролетарская». Нашим последним местожительством была 5-я Кожуховская ул.: далеко от Таганки он не отъезжал. Это значило много: был двор со всеми таганскими следами: со сленговыми оборотами, с мальчишеской гурьбой, «заячьими» поездками на трамвае, руганью, с, прямо скажем, неаристократическим дворянством.

Война началась, когда ему было пять лет, и они с мальчишками перелезали через забор на какие-то заводские склады, куда падали фугасы, собирать ещё тёпленькие осколки. У него остались сильные впечатления о бегстве жителей Москвы из Москвы. 16 октября они с матерью пошли на Рогожский рынок, а назад вернуться сумели с трудом: всё было заставлено машинами, телегами и тележками, вещами, не говоря уже о море людей. Сумбурные, единичные воспоминания. Разбрелось стадо, которое вёл на мясокомбинат мальчик-подросток. Стадо разбрелось. Мальчик бегал, пытаясь его собрать, потом от страха повесился.

Через некоторое время мать с детьми (у Саши сестра двумя годами моложе его) эвакуировалась с детдомом в Козмодемьянск. В его память врезалось (сохранился записанный на видео Сашин рассказ), как они переплывали Волгу и должны были причалить к месту, которое было разбомблено, а на берегу пылал пожар. Другое воспоминание: как спасались от волков. Мать с кучером (Саша был в санях) везли продукты для детдома, а за ними летели волки, и кучер настёгивал лошадок. В 2008 г. я была в Йошкар-Оле и рассказала преподавателям в университете, где читала лекцию, об этом случае. Мне ответили: «А у нас и сейчас полно волков, мы на дачах строим специальные заграждения». Саня тем самым воспоминанием был признан как бы своим.

Отец, поскольку директорская должность обязывала его быть и членом райкома ВКП(б), не эвакуировался с семьёй: он должен был оставаться в Москве как бы связным, как бы подпольщиком — в случае прихода немцев он был обязан исполнять роль сапожника-надомника, сидевшего на улице, чтобы наблюдать и передавать кому надо какие-то сведения. Сейчас это смешно, но так было. Как было и то, что много позже, поведя сына в Донской монастырь как в музей, наставник юношества, директор школы, член райкома встал на колени на ступенях храма.

Рассказы о школе и о семье были скупыми, сухими, брови сходились. Саша рассказывал об этом тяжело, без лишних слов. И несколько раз повторял историю таксиста, который как-то вёз его домой, на вопрос о том, как он относится к Сталину (дело было после похорон, в марте 1953 г.), смачно плюнул, проговорив «хорошо, что сдох».

С детства основным увлечением было собирание и чтение книг, огромная библиотека была его богатством. Он вспоминал о бабушке, работавшей в типографии. Для него важно было, не кем она работала (на одной из, что называется, «последних» должностей), а что работала она именно в типографии, где печатали книги. Когда переезжал в однокомнатную квартиру на Открытом шоссе, его друзья выстроились цепочкой от грузовика по лестнице до квартиры и передавали книги. То же проделывали мы, переезжая на Кожуховскую, к удивлению шофера: никогда столько не видел, 9 000. Я требовала: одну купишь, другую даришь. Это привело к тому, что количество книг стало удваиваться: покупал и он, и я, а поскольку интересы примерно одинаковые, то и книги покупались одинаковые и прятались, ибо запрет касался обоих. В результате, когда обман открылся, мы даже обрадовались: все повторные уехали на дачу, обеспечив наше с ними бесперебойное общение.

Саша — как книжный человек — утыкался в книгу как в то, что энергически его концентрировало. Для него чтение всегда было равноценно мышлению, сродни восприятию в древности «Илиады», заменяющему все книги, газеты, картины, радио- и телепередачи, хотя он одновременно обкладывался газетами, слушал радио и внимательно смотрел многие передачи по ТВ. Некоторые лингвисты считают, что слово «книга» образована от праславянского

«кнети», т. е. «знать». Полагают даже, что русский термин «князь», польский «ксендз», болгарский «кнез» и другие, относящиеся к племенным вождям, жречеству так или иначе связаны с семасиологией знания. Так это или нет, но словари, даже отгораживаясь от такого родства содержаний термина «книга», считают необходимым упомянуть про подобные изыскания. Но Саша нутром знал родство книги и знания. Я помню, как он радовался, когда я писала о латинском значении *ges*-реальности как о вещной полноте знания-дела, о просторе знания-дела, непременно связанного со свободой. В такой полноте, где записано уже всё, человек всегда носил псевдо-имя. XX век весь жил этой псевдоимённостью. Ахматова, Андрей Белый, Максим Горький, Демьян Бедный, не говоря уже о Ленине, Сталине и их приспешниках, которые почти все поменяли фамилии. Двойное сознание, окутавшее XX век-волкодав, — тоже результат такой псевдоимённости.

Он исходил все букинистические магазины, покупая старые книги. У него ещё в школьные годы были дореволюционные или вышедшие на заре советской власти монографии об эволюции, которые он пересказывал затем в университете, и которые не сослужили ему хорошей службы на экзаменах: он, не слушавший плоских объяснений преподавателей, ссылаясь на них в годы, когда ссылаться на них было опасно. Они и сейчас лежат на полках (ставить нельзя — распадаются) — в бумажных обложках, вытертые и обветшалые.

Книги — Сашина свобода. Свободное существование, где он не зависел ни от кого. Когда в 1968 г. он подписывал письма в защиту арестованных диссидентов, он это делал не только из дружбы, а по велению этой самой свободы, которая гораздо шире всех тех прав, за которые мы боремся. Любая акция — один из её феноменов. И в этом смысле — это один из самых свободных людей, который «торчал, где воткнул», ибо от себя не убежишь. В этом смысле понятны взаимоприязнь и взаимоотталкивание с В.В. Библихиным. Когда в Институте расформировывали сектор информации и стоял вопрос, куда девать людей, кто-то сказал, что не знает, чем занимается Библихин. АП вздёрнулся: как не знает! Библихина, который писал бесконечное множество рефератов по европейской философии, знал любой интеллигентный гуманитарий. И он предложил Владимиру Вениаминовичу войти в состав нашего Центра. Их взаимоуважение объяснялось просто: дух «всё один над той же бездной, упасть в соседнюю нельзя». АП вообще собирал Центр по апофатическому принципу: у него работали те, от кого кто-то отказывался, и не давал их в обиду, даже если те обманывали ожидания. Не дать в обиду — это сам характер, столь необходимый в современности: почётно защищать знающего и мыслящего, труднее — теряющего своё и без того небогатое имение. Даже когда он хотел от кого-то освободиться в силу полной моральной невозможности сработаться, он лишь объяснялся с этим человеком, но не занимался кляузами и не обращался за поддержкой к начальству. Он трусил самой возможности разрешать проблемы силовым способом. В силу понимания знания как свободы он был абсолютно чужд гордыни, но спокойно и строго менял своё отношение к старым мыслям и идеям. К нему вполне применимы слова С.С. Аверинцева: «На своих предшественников я смотрю снизу вверх и поэтому вынужден быть резким, так как не могу быть снисходительным».

Его последняя статья «Подавление философии» касалась того, что делается попытка отлучить людей с помощью догматически-религиозного знания от этой самой независимой свободы. Он точно так же мог отказаться от каких-либо подписей, если они не соответствовали его взглядам, или, наоборот, будучи уже серьёзно больным, тащиться «гулять» на Тверскую в сентябре 2013 г., протестуя против развала Академии наук.

АП окончил школу с серебряной медалью (с четвёркой по литературе), но в ранних классах у него были и тройки, в том числе по естествознанию. После его смерти одна из студенток, писавших у нас курсовые работы, увидев его самодельно сшитый из куска картона и разрезанных тетрадных листков табель с тройками-четвёрками-пятерками, сказала: «Слава

Богу, значит, есть ещё надежда (имела в виду: стать чем-то значимым. — *С.Н.*), если и у АП были тройки!» Табель был сделан во время войны. Он вообще вызывает к себе трепетное отношение, как к редкостному документу, поскольку хранится не в большом музее, а дома, в старой серой папке.

Одновременно учился игре на баяне в училище им. М.М. Ипполитова-Иванова. У него был уникальный слух, и он хорошо, правда, редко, играл и на фортепьяно. Его слух опережал умение рук, в результате он забросил игру. Но пластинки собирал, и их у нас было едва ли не столько же, сколько книг. Он покупал все новейшие средства для слушания музыки, в последнее время всё больше и больше, потому что новое появлялось всё чаще и чаще. Он выискивал в газетах какие-то невероятные объявления о продажах новых дисков. В результате все боковины книжных полок были ими забиты, так что к книгам можно было пролезть, предварительно убрав всю аппаратуру, т. е. процесс пользования литературой превращался в проблему. Впрочем, музыка составляла часть его работы: он многие свои вещи строил по музыкальному канону.

В школе они дружили втроём: его друзьями были Леонид Оксман, Игорь Зуев, имени третьего друга я не запомнила. Чаще всего они собирались у Оксмана, устраивая междусобойчики, когда родителей не было дома, ведя бесконечные беседы об искусстве (отец Леонида был художником) и литературе, а после школы втроём решили поступать на философский факультет МГУ. Поступил, однако, в 1953 г. он один. Другим пришлось выбирать иную стезю. Рассказывал об учителях — химике и военруке. Химик был хорошим химиком, пока у него не погибли жена и сын, после этого сидел на уроке молча или делал что-то не то, а военрук развлекал мальчишек рассказами о женском поле и пыхтел, как говорил Саня, вспоминая, видно, что-то интимное, сравнивая это интимное с паровозом, который нужно было толкать, что встречалось рёвом и гоготом.

На мои расспросы, когда возникло его оппозиционное отношение к советской власти, он отвечал, что оно в это время и началось. Я не очень верила, но историй о переосмыслении времени он не рассказывал. Я думаю, что и не мог рассказать: это происходило подспудно. Он был ещё школьником, когда умер Сталин. Пошёл, как многие, на похороны. Дошёл почти до конца спуска с Рождественского бульвара на Трубную, едва не попал под колеса здоровых грузовиков, и его кто-то втащил на стену (в то время разваленную, а потому низкую) бывшего Рождественского монастыря. Его друг тоже едва не попал под ноги разожжённой толпы, его даже и свалили, и он вместе с другими где-то как-то сползлись, отодвинули крышку канализационного люка, вернулись домой по канализации, когда все уже были в отчаянии. Мне было в ту пору 11 лет, и мы с моими кузенами тоже пошли, но когда я потеряла галошу на той же Трубной, у поворота на Петровский бульвар (шли со стороны Садового кольца), мои братья и сестра сочли за лучшее всё-таки вернуться. Здесь скрестилось много судеб.

Философский факультет МГУ он окончил в 1958 г. Но ещё в начале учёбы его спросил учившийся на 4 курсе М.К. Мамардашвили: «Ты что, всё время будешь тратить на лекции? Я, например, поставил себе задачу: выучить три языка. Сижу в Ленинке». Саша стал ходить в Ленинку, и его основная учёба проходила в курилке (смолил с 15 лет), где, как и он, курил, например, Я.Э. Голосовкер, почтительная память о котором и книжка с дарственной надписью сохранялась у него до конца жизни; занимался в логическом, затем методологическом кружке, который основали А.А. Зиновьев, Б.С. Грушин, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкий, ходил три года на занятия на физический факультет, и после третьего курса, когда нужно было определяться профессионально, выбрал философию. Но физику знал основательно, разбираясь в сложнейших вопросах. Отзывы о философском факультете того времени у него были иронические. Однажды на экзамене по истории философии ему достался билет

про досократиков. Рассказ был недолгим, но преподаватель (дама), слушавший его, повторял: «Бще! Бще!». Это «ы» запомнилось надолго.

Встречи в Московском методологическом кружке произвели на него большое впечатление. «Я, — говорил он, — уже на первом и втором курсах познакомился не только с тем, что и тогда, и сегодня считаю перспективным, но и со стремлением сталинистов не допустить свежий воздух в нашу философию, законопатить её в прежних убогих схемах» [Моя позиция... 2007: 8–9]. На мой вопрос, какие случались казусы в то время, что было важно, а что внушало отвращение, он ответил: «Казусов, наверное, было много, но я их плохо помню. Об одном из них мне напомнил Л.Н. Митрохин (он у меня был руководителем курсовой по логике) по прочтении книги воспоминаний А.Д. Косичева. М.К. Мамардашвили выступил в стенной газете с заметкой о парадоксах Зенона. Насколько я помню, он доказывал, что эти парадоксы не разрешимы и связаны с двумя подходами в математике — с подходом дискретной математики и с подходом математики непрерывных функций. На семинаре по диалектике я повторил мысли М.К. Мамардашвили (естественно, сославшись на него). Что после этого развернулось: меня таскали на комсомольскую группу, на комсомольское бюро и т. д. Дело выведенного яйца не стоило, но надо же показать свою бдительность» [Там же: 9].

Диплом писал по «Проблеме отчуждения в философии Гегеля» (название после ряда перипетий было переделано в «Проблему диалектики труда в философии Гегеля» у М.Ф. Овсянникова, который оценил работу на «отлично» (Гегель надолго стал центром внимания АП, он его переводил, писал предисловия-послесловия-комментарии к его трудам). При утверждении тем на Учёном совете факультета, однако, выступил недоброй памяти М.Т. Иовчук, назвавший тему почему-то «ревизионистской» и не достойной дипломного исследования. Всё же диплом был написан, оппонентом назначен А.Н. Чанышев. Но Иовчук добился назначения дополнительных оппонентов. Ими оказались А.С. Богомоллов и Т.И. Ойзерман. Диплом не понравился оппонентам, прежде всего — А.С. Богомоллову, настаивавшему на тройке. Чанышев и Овсянников оценили на «отлично». Примирил всех В.Ф. Асмус, предложивший поставить четвёрку.

Богомоллов был ещё одной точкой нашей встречи с Сашей: Алексей Сергеевич был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации о средневековом сознании и, напротив, очень поддержал её. Наши с Сашей головы, когда речь случайно заходила о Богомоллове, поворачивались в разные стороны длиной в двадцать лет — разница между его защитой диплома и моей защитой диссертации. За два десятка лет мировоззрение могло и поменяться.

«С 1964 г. по 1967 г. он работал научным консультантом в редакции журнала „Вопросы философии“ (ВФ. — С.Н.), затем в Институте международного рабочего движения (ИМРД) АН СССР». Так он написал в своей Автобиографии (почему-то писал о себе в 3-м лице, сказавшись многолетнее участие в разного рода сборниках, где представлялись чьи-то взгляды, скажем, Ленина, и не хотелось хоть как-то себя соотносить с этими взглядами, и многопудовая работа в разного рода энциклопедиях), В Автобиографии опущен период с 1958 г. по 1964 г., поскольку он не относил его к философской работе. Между тем это время было чрезвычайно, скажем так, занимательно.

АП после окончания МГУ поступил на работу, по-видимому, по совету отца (который к этому времени оставил директорство и стал, как я упоминала, доцентом Заочного политехнического института) в Московский технологический институт лёгкой промышленности (МТИЛП), где выполнял функции заведующего кабинетом философии и где в 1961 г. вступил в КПСС. Отзывы его об этом времени были неприязненно-ироничные, в основном предпочитал отмалчиваться, хотя и там он встретил людей, с которыми ему было интересно. Иногда он юмористически вспоминал, как предложил одному из начальников отдела этого Института сделать туфли на подошве, плотно охватывающей верх туфель. «Если бы в то время были со-

ответствующие технологии, я был бы изобретателем слипонов», — смеялся он. Это станет его основной чертой: мгновенно включаться в научную работу всюду, где бы ни оказался.

Собственно эту мгновенность включения обеспечивало то, что мы именуем мыслью. Мы часто полагаем под мыслью её содержание, а не порыв, который, будучи ещё не осознанным, уже включает работу ума.

В первых философских работах АП «Проблема труда в философии Гегеля» [Научные труды... 1960 (а)], «Критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов „Экономико-философских рукописей 1844 г.“ Маркса» [Научные труды... 1960 (б)] и «Критика искажений ранних работ Маркса» [Юбилейная сессия... 1960], написанных во время работы в Институте лёгкой промышленности, он ещё работает в духе заданной марксистской парадигмы. Некоторое время эта фразеология будет присутствовать и в дальнейшем, поскольку иногда делать ему приходилось вещи, которые довольно быстро его возмутили, — и навсегда. Когда он уже работал (недолго) в Институте философии, до перехода в ВФ, в Отчёте о работе за 1962 г. он писал: «За истекшие 10 месяцев неоднократно давал письменные отзывы по заданию руководства сектора (диалектического материализма. — С.Н.) на рукописи, статьи и др., принимал участие в обсуждениях книг, рукописей, диссертаций и пр. *По заданию дирекции писал доклад для М. Митина...*» (курсив мой. — С.Н.). Вот эта несправедливая работа младшего научного сотрудника за академиком без высшего образования, «управлявшего» всей философией страны, использование академиком труда младшего научного сотрудника как крепостного довела его до точки кипения: через несколько лет он станет одним из самых яростных критиков не только Марка Борисовича, но всей советской системы, тогда и следа не останется от прежней фразеологии.

О первых статьях он никогда не упоминал, хотя впоследствии всегда говорил, что за мысли, выраженные (не в этих, но) в подобных работах, ему не стыдно. Так, вместе с В.С. Тюхтиным он участвовал в книге под общей редакцией Б.М. Кедрова «Ленин об элементах диалектики: диалектика — теория познания» (М., 1965), Трудно судить о степени участия АП в этой работе (он всё ещё был на подхвате), но, как и в других вещах, он (очевидно, вместе с Тюхтиным) брал быка за рога, поняв, что у Ленина «сравнительно редко встречаются высказывания, где даётся философский анализ этого элемента диалектики» (имеется в виду шестнадцатый элемент — переход количества в качество. — С.Н.), и принялся за его поиски. Зная, как тщательно и напористо АП что-то искал, лично у меня, читавшей эту работу много позже и скептически, и сомнения не возникло, что он нашёл этот элемент, «подходя» «к анализу ленинского наследия» «с осторожностью, так как выделить всеобщие моменты <...> закона из его частного применения <...> — довольно сложная задача» [Андреев 1965: 297]. Выискивали постранично из двадцати одного тома Полного собрания сочинений: из тт. 1–4, 8, 11, 16, 26–30, 32, 34, 36, 41–45 — и сделали выводы, имеющие действительное отношение к диалектике и обращающие внимание на «переходы, превращения и взаимодействия вещей», на сбрасывание ими старой формы и обновления содержания, на раскрытие «внутреннего „механизма“ функционирования <...> противоположностей, находящихся в единстве», но *забыв* при этом о вожде мирового пролетариата [Там же: 328].

Впоследствии уже с иных позиций он будет заниматься этими самыми переходами, превращениями и взаимодействиями — онтологией процесса.

Работал он в «лёгонькой промышленности» до 1961 г., когда поступил в аспирантуру сразу двух институтов: Московского государственного экономического института (который вскоре был переименован в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова и в который пошёл, судя по всему, опять же по рекомендации Павла Ивановича⁴) и Института

⁴ На одном из выпусков «Трудов института», где помещена статья АП, есть дарственная надпись одного из тамошних сотрудников: «Уважаемому Павлу Ивановичу на память от Румянцева Б.А. 15.04.65».

философии АН СССР. Но, поскольку уже начал учиться в первом, там и остался. В аспирантуре проучился год, перейдя на должность старшего редактора в издательство «Высшая школа». Работу над диссертацией не оставил: она должна была называться «Диалектика труда в работах Маркса». Через некоторое время, однако, он перешёл в Институт философии, откуда был на месяц командирован в философскую редакцию издательства «Советская энциклопедия» на время болезни Э.В. Ильенкова, но фактически до конца дней он от издания энциклопедий, энциклопедических справочников и словарей сам себя не освобождал, считая это нужным делом — для пересмотров всех позиций, всего философского знания, — понимая это как выявление точек переключения мысли. Да и многие его работы были этому посвящены, см., например, такие названия «От нормативного разума к коммуникативной рациональности» [Огурцов 2005] или «От натурфилософии к теории науки» [Огурцов 1995], где «от... к» означают не эволюционный процесс, а именно точки переключения.

В 1964 г. он стал консультантом в «Вопросах философии», где подружился с В.Н. Садовским, И.В. Блаубергом, Р.В. Садовым. Вместе они готовили о(б)суждение Митина, который был тогда главным редактором ВФ. Он рассказывал, что однажды на первый этаж, где располагалась редакция, к нему подошёл Ильенков и сообщил, что из сталинских лагерей вышла вдова Я.Э. Стэна — известного довоенного философа, который не только учил Сталина философии, но и открыто критиковал его. В свое время Стэн написал в «Большую Советскую энциклопедию» статью «Философия». Сохранились контрольные экземпляры этого тома с его собственноручной подписью под статьёй. Но в свет вышел том с подписью Митина. Вся «авторская» работа Митина заключалась во вставке цитат из работ Сталина и в восторженных оценках вклада Сталина в марксистско-ленинскую философию. От вдовы Стэна узнали, что Л.С. Шаумян, сын революционера С.Г. Шаумяна, тогдашний главный редактор издательства «Советская Энциклопедия», сохранил сигнальный экземпляр с авторством Стэна, который он показал философам из ВФ.

В партгруппе журнала, в которую входил Митин, было заведено партийное дело о плагиате, создана комиссия, в которую входили Садовский, Е.Т. Фаддеев и Огурцов. Они попытались определить, кто получил деньги за эту статью, но бухгалтерские документы того времени не сохранились. Садовский обнаружил в архиве Президиума АН СССР опись статей Митина, написанную и подписанную им в связи с избранием в члены-корреспонденты. В предисловии к книге «Боевые вопросы материалистической диалектики» Митин обвиняет Стэна в том, что он японский и германский шпион. Предисловие было подписано 14 сентября 1936 г., когда Стэн ещё был под следствием, в день, когда родился АП — есть же необычные внутренние связи! Словно донос тут же спровоцировал рождение своего бичевателя.

На комиссии решили созвать партийное собрание и вынести Митину — что? Хоть бы какое-то взыскание. Огурцов спросил Митина, какие у него были основания объявить Стэна шпионом. Ответа не получил. Митин, выступая на собрании, сыпал угрозами в адрес комиссии, кричал, что он — кандидат в члены ЦК КПСС и не позволит и проч., и проч. Все были так поражены его угрозами, что в итоге партийное собрание проголосовало не за «какое-то взыскание», а за исключение из партии, хотя потом участникам собрания «выламывали руки», доказывая, что Митина почему-то исключать нельзя. Но из кандидатов ЦК КПСС его всё же вывели. А через некоторое время его место в ВФ занял Иван Тимофеевич Фролов. Однако непотопляемый Митин стал возглавлять отдел по идеологической борьбе, не зная ни иностранных языков, ни философии. Всё это АП рассказывал в интервью мне и Ю.М. Резнику [Методология науки... 2007; Личность. Культура. Общество. 2010].

Но вот анекдот, не вошедший в анналы, но рассказанный мне. Во время обсуждения в журнале Марк Борисович вроде бы что-то писал. Вдруг он поднял глаза. «Так, — сказал он. — О ком речь?» «О Вас, Марк Борисович...» «Ну что ж, сделаем выводы, проанализиру-

ем...» Так ли — нет, но анекдот, важная часть жизни 60–80-х гг. XX в., вполне в духе жизни Митина.

Можно ли сказать, что такие поступки АП формировали его характер, его полную неспособность потворствовать фальши и пошлости, оставшуюся до конца жизни? Мне кажется, что он, зря не лезший на рожон, таким родился, и эти поступки лишь проявляли характер. Уже под конец его руководства нашим Центром методологии и этики науки он писал одному из сотрудников про одно непривлекательное событие, что оценивает его «не как малоприятное происшествие, а как позорное, лично у меня [у него. — С.Н.] не вызывающее ничего, кроме омерзения. Тем более, что это происходит в секторе, сотрудники которого должны заниматься проблемами этики науки...». Но это было позже, а тогда надвигался памятный всем 1968 год. К счастью, годом ранее, в 1967 г., АП защитил кандидатскую диссертацию, но не «Диалектику труда», а «Отчуждение, рефлексия и практика», которая представляла собой три соединённые большие энциклопедические статьи.

Включение АП в философскую жизнь совпало с хрущевской «оттепелью» — недолговременной и прохладной. Однако благодаря этой «оттепели» у нового поколения тогдашней советской интеллигенции сформировалось отвращение к казарменно-репрессивной официальной идеологии и пробудился интерес к гуманистическому марксизму, который нашёл свое выражение в философской антропологии Маркса. Философское сообщество того времени проходило искушение Марксом. Отвергая марксистско-ленинскую идеологию, оно не отвергало марксизма. В.С. Библер долго считал себя марксистом. Расставание с ним было тягостным. М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, А.А. Зиновьев — все писали о Марксе, считая его выдающимся философом XIX в. При этом пользовались старой привычной фразеологией, используя термины «буржуазный» или «ревизионистский» при определении своего отношения к проблемам, всерьёз поставленным Марксом.

Помимо «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» Маркса, громадное воздействие на АП оказало чтение ранних работ Д. Лукача («История и классовое сознание»), к которому он, кстати, возвращается и в последней книге, «Бытия и времени» М. Хайдеггера. В нашей философии сложилось впечатление, что Хайдеггер стал болевой точкой только после переводов 1993 г., выполненных, в первую очередь, А.В. Михайловым и Бибикиным, а затем после публикации в 1997 г. перевода Бибикина «Бытия и времени». Но о Хайдеггере (Гайдеггере) писал Н.А. Бердяев. О нем писали П.П. Гайденко, в 1963 г. опубликовавшая книгу «Экзистенциализм и проблема культуры», Т. Шварц «От Шопенгауэра к Хайдеггеру» (М., 1964), А.М. Руткевич «От Фрейда к Хайдеггеру» (М., 1985). На Хайдеггера в книге «Язык. Знак. Культура», которую я готовила к переводу на английский в издательстве «Прогресс» в 1975 г., ссылался М.К. Петров. В 1964 г. на философском факультете МГУ состоялась научная конференция «Марксизм и экзистенциализм», где Гайденко сделала доклад «Проблема времени в философии М. Хайдеггера». Сам АП на той же конференции выступал с критикой экзистенциалистской концепции языка и на основе этого выступления написал статью «Экзистенциалистская философия языка. М. Хайдеггер» для сб. «Философия марксизма и экзистенциализм» (М., 1971). На одной из конференций в Обнинске после его доклада поднялся генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский, который в 1964–1969 гг. заведовал отделом радиобиологии и генетики в Институте медицинской радиологии АМН СССР, расквартированном в Обнинске. Он рассказал о личных встречах с Хайдеггером, который подарил ему портсигар. Я же помню фотокопию перевода Михайловым статьи «Время картины мира», которую мне подарили в день рождения и которая затем, передаваемая из рук в руки, где-то затерялась — это было задолго до публикаций переводов. Уже после смерти АП дома нашла тюбингенское издание 1957 г. «*Sein und Zeit*».

Хайдеггер, таким образом, исследовался в России ещё при жизни Хайдеггера, но, видно, не было *почвы* для его глобального исследования. Если бы не «холодная война», было бы любопытно узнать его отношение к работам о нём из страны, на которую он естественно обращал внимание. Потом АП не раз возвращался к теме Хайдеггера, а в то время радостно набросился на реферат Бибикина. Сейчас перечисленные работы о Хайдеггере не читаются или отставлены в сторону, в архив, но в то время они как нельзя лучше обнаруживали оттепельные философские стратегии. В эти годы живо обсуждались новые для советской философии проблемы — отчуждения, сущности человека, гуманизма и фетишистского сознания, бюрократии. АП принимал в этих обсуждениях живейшее участие. Гуманистическая интерпретация марксизма, возникшая в СССР одновременно с «пражской весной», послужила одним из идейных истоков демократического движения, проявившегося, в частности, в выступлениях за свободу слова, совести, в защиту политзаключенных. Эти годы были отмечены дружбой с философами Э.Г. Юдиным, Б.И. Шрагиным, М.К. Петровым, Э.В. Ильенковым, сотрудничеством с историком М.Я. Гефтером. Начатки демократического движения были раздавлены в годы застоя. Сектор методологии истории, которым руководил Гефтер, был ликвидирован в немалой степени потому, что сотрудники его пытались по-новому прочесть именно Маркса. С Петровым велись бесконечные споры по поводу знаковых интерпретаций теологии, трансфинитности, человекоразмерности. Все эти споры можно обнаружить в вышедших в 2000-е годы книгах, в обсуждениях и семинарах, записи которых опубликованы.

В разных интервью АП называл Ильенкова своим учителем. Это надо понимать не в том смысле, что он развивал его идеи, а в смысле выучки, школы в строгом смысле слова. На него произвёл большое впечатление один из его визитов к Ильенкову. Он вошёл в квартиру на тогдашней ул. Горького, на полу которой были разложены детали радиоприёмника — в определённом порядке, намечая архитектуру и логику будущей конструкции. И Ильенков сказал: «Тише, не наступи, чтобы случайно не смешать». Такая тщательность и разборчивость произвели на АП огромное впечатление.

Интерес к Марксу упал в Девяностые во время Перестройки, и на него перестали ссылаться. Лишь к середине нулевых годов XXI в. это неприятие было (правда, не у всех и не настолько) преодолено. Когда АП готовил учебник по истории культурологии, он дополнил его главой о понимании культуры Марксом, написанной В.М. Межуевым. Я никогда не была марксистом, я даже не упоминаю этот учебник среди своих работ, разве что однажды, по обязанности, хотя в учебник почти полностью вошла наша с АП книга «Время культуры» (была исключена глава об О.Э. Мандельштаме как не подходящая для целей учебника). Но он полагал, что без марксизма картина была бы неполной. И в этом сказалось лишь его желание справедливости. В последней нашей совместной книге «Онтология процесса» тоже есть параграф о Марксе, где оспаривается обычное понимание Марксом времени, как правило, сводящегося к социологическому измерению рабочего времени как времени труда и свободного времени как времени досуга и восстановления рабочей силы, к уяснению их взаимоотношений. На деле всё гораздо серьёзнее — речь шла о роли времени не только в трудовой теории стоимости, отстаиваемой Марксом, но о его *социальной философии* времени, предполагающей, что приравнивание разных видов труда друг другу благодаря подчинению человека машине или через предельное разделение труда ведёт к тому, что человеческая личность отодвигается на задний план. Качество труда перестаёт иметь значение, замещаясь количеством произведённых вещей, отделённых от личности человека. Вещи, человек в том числе, становятся растворёнными в моменты процесса, а сам процесс превращает разные формы предметности в общий поток, выступающий как новая действительность в её вещной, косной реальности.

Маркс выразил позицию, созвучную Кантовой, поскольку исходил из противопоставления мира свободы миру необходимости. У Маркса царство необходимости представлено товарно-денежными отношениями, наёмным трудом и отчуждением человека, а царство свободы мыслится как господство свободной жизнедеятельности, основанное на процессуальности социальных систем, на качественном характере времени личности, на самоцели её развития безотносительно к какому-либо масштабу времени. Оживившиеся в 1960-е годы дискуссии о Марксовой теории абстрактного и конкретного труда, сопоставление теорий Маркса, А. Бергсона, Хайдеггера, Л. Альтюссера, на взгляд диспутантов, предвосхищали основные линии европейской философии XX в. На первый взгляд, речь шла о сравнительно-историческом методе исследования, хотя этот вывод скоропалителен. Ибо, если в концепциях XX в. речь шла о темпоральности субъекта (*Dasein* у Хайдеггера, жизни у Бергсона, социальных суперсистем у Альтюссера), то Маркс стремился преодолеть дуализм субъекта и объекта в такой точке отождествления мышления и бытия, которую он нашёл в динамичной, изменчивой, процессуальной социальной системе производства. Речь идёт не о сравнительно-историческом методе, а о трансдуктивном переключении позиций. И это АП подметил очень точно, как точно и считал, что дуализм между субъектом и объектом, свободой и необходимостью Маркс не столько преодолел, сколько наметил. Этот дуализм проявился, к примеру, в альтернативности законов стоимости и законов цены производства. Но первые мыслились как динамические законы, а вторые как законы-тенденции. Маркс о том не писал, но важно заметить, что законы-тенденции обладают вероятностным характером. И это для АП, который в последнее время как раз и занимался вероятностными характеристиками мышления, было существенным наблюдением. Марксистская концепция утопична именно в смысле этой непреодоленности.

Марксизм АП осваивал серьёзно, впрочем, как всё, что делал. Когда через несколько лет он был уволен с работы по личному распоряжению директора Института международного рабочего движения Т.Т. Тимофеева («три Т») и был взят на работу в Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ) АН СССР, он долго был «рабом» Б.М. Кедрова, вместе с ним создавая «Марксистскую концепцию истории естествознания» сначала XIX-го, а потом XX в.

Точнее, все считали, что он был «рабом», чему он не слишком сопротивлялся, поскольку Бонифатия Михайловича любил.

На деле было другое. Я выше говорила об особенностях его жизни: он с радостью влезал в любую работу и решал поставленные задачи, видя в них возможность приложения мысли, а, поскольку честолюбивым не был никогда, то делал это с присущей ему остротой взгляда, любовью к предмету и философской любознательностью. Он и много лет спустя будет с головой влезать в неожиданно возникающие проблемы.

Однако — и я это утверждаю — АП всерьёз никогда не был марксистом, как бы это ни могло показаться на основании его первых работ. Не принадлежа ни к какой школе, он являл собой пример истинного диалогизма, его всеядность находила пищу в общении, в попытках понимания, даже взаимопонимания другого. Он щедро рассказывал и о своих выдающихся предшественниках, с которыми доводилось работать, и современниках, считая, что Россия вопреки многим кликушам дала в XX в. много философов мирового уровня: В.И. Вернадского, А.А. Мейера, А.Ф. Лосева, Я.Э. Голосовкера, В.С. Библера, Э.В. Ильенкова, В.В. Бибихина, С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова, М.К. Петрова.

Он был слишком рационален и остранён от любого текста, чтобы быть чьим-то последователем. Было понимание, вовлечённость в мысль, а не чувствование и тем более не подчинение общей воле. Потому употребить наработанные формулы для выражения мысли, требовавшей этих формул, было для него обычной научной работой. В упомянутой главе для книги «Ленин и элементы диалектики» они вместе с соавтором употребляли затасканные штампы,

но остранённый стиль выдавал скорее желание понять, чем и как мыслил тот, о ком Б.Л. Пастернак говорил, что «он управлял течением мысли и только потому — страной», и эта остранённость больше, чем что-либо показала невозможность управления страной на основании *такой* мысли.

Я не приукрашиваю позицию АП и не стремлюсь сделать её более фрондёрской, чем на деле, тем более что он никогда не был фрондёром. Но те, кто слышал его выступления, доклады, видел его реакцию на сообщения коллег, знают о провокативности его мысли, о её строгости, дотошности, вьедливости, истовости. Впоследствии он писал об этой своей способности быть в метапозиции к любой проблеме. «Я никогда не принадлежал и не принадлежу к тем „розовым сциентистам“, для которых наука — это „всё и вся“ культуры, а философия науки — средоточие всей философии. И тогда, когда я занимался проблемой отчуждения у Гегеля и Маркса (а это было только в 1960-е гг. — *С.Н.*), и когда писал статью „Феноменология“ в „Философскую энциклопедию“, и, когда, работая в Институте истории естествознания и техники, стал заниматься философией и методологией науки, для меня всегда было ясно, что философия охватывает гораздо более широкий круг проблем, в том числе экзистенциальных, не сводимых к логической и философско-методологической аналитике». Более того, он пишет, что только сейчас стал распространён подход к философии как к рефлексии об основаниях культуры, который называют то универсалиями, то ценностями, который они с В.А. Лекторским, В.С. Швыревым, Э.Г. Юдиным *уже заявили и прописали* в статье «Философия» в «Философской энциклопедии». В 2005 г. АП, считая, что эта статья в целом сохраняет свою ценность, всё же пересматривает её в том смысле, что философия там «*мыслится предметно*, по образу и подобию дисциплинарного знания, которое обладает своей предметной областью и категориально-методологической системой, направленной на постижение *differentia specifica* объекта исследования» [Резник 2005: 324–325]. В это время мы писали ответ на такие представления о философии — книгу «Пути к универсалиям», где философия представлена как стремление, наступающее и формирующее вещь, как некое «вдруг» мысли.

С этим же остранённым взглядом АП можно столкнуться и когда он размышляет о том, что философия как способ рационализации пока ещё не подвластна науке проблем, т. е. не стоя в ряду научных дисциплин, с одной стороны, универсализирует частные методы и исследовательские программы, а с другой — способна и «закрывать» программы, создавать видимость их решения, поскольку она экстраполирует и методы науки, и её предметную область, и исторически-конкретные способы научного отношения человека к миру на всю науку, на весь мир, на все типы отношения человека к миру». Марксизм как раз и закрывал такого рода проблемы, и с этим категорически не согласен АП как философ *par excellence*. Он писал: «В этом смысл той критики метафизики, которая была характерна для марксистской философии, выдвинувшей на первый план исследование саморазвивающихся процессов в противовес анализу естественных тел в классической метафизике, и той деконструкции прежней метафизики, которую развернул М. Хайдеггер. Один из изъянов марксистской философии заключается, по-моему, в том, что, универсализируя понятия и методы эволюционизма, она сама превратилась в „мировую схематику“, в своего рода метафизику и, трактуя диалектику как учение о развитии и единстве противоположностей, она создавала видимость решения проблем, „закрыв“ саму возможность выявления новых онтологических схем естественных и гуманитарных наук, например, выявления различных типов систем, их организованности и самоорганизации». Это — достаточный ответ на собственное начало философской работы, и это обнаруживает причину и условие, по которым мы начали работу над онтологией процесса. Но это же обнажает и «изъян фундаментальной онтологии Хайдеггера», который состоит «в другом — в неприятии научного знания и любой эпистемологии» [Там же: 329].

К слову сказать, после 1980-х гг. имя Маркса АП в своих работах почти не употреблял. Переосмысление и отношения к марксизму, и к трудам Маркса в России происходило параллельно тому же процессу во Франции, но там анализ и критика развивались в нормальных условиях. У нас же всё время было чувство сокрушаемости и невозможности высказываться открыто: до 1990-х годов меч цензуры и висел, и падал. Когда, наконец, цензура была отменена и во время Горбачёвской перестройки при объявленном свободомыслии всё стало открытым, то философы с голоду набросились на франко-немецко-американскую литературу, не предав забвению собственную, но некоторое время *не представляя* своей. Не потому, что слабы, а потому, что новая действительность, во-первых, требовала серьёзного осмысления, а во-вторых — торопились издать, переиздать, перевести, успеть. Боялись: проснешься завтра — а на улице красные флаги и плакаты типа «Новое поколение советских людей будет жить при коммунизме». К тому же когда мы говорим, скажем, об античной философии, мы плохо ощущаем течение времени: нам кажется, что всё происходило в одно предельно сжатое время, позволившее создать философию. Откровенные цинико-критики не признают наличия философии в России. Возникла, однако, нелепость: быстро забыв философию культуры, например, В.С. Библера или М.К. Петрова, были в то же время приняты Мамардашвили и Бибихин, первая книга которого вышла в 1993 г. Постулирование: нашей философии нет — столкнулось с утверждением, что она есть. Объяснения: есть, но мало. А сколько надо? Говорят это выпускники философских факультетов, зачем-то пошедшие на эти факультеты и преподающие на них, явно полагающие неизменную предметность философии.

АП, перечислив философов мирового уровня в России второй половины XX в., одновременно заметил, что при этом «Россия всегда (и в царский, и в советский периоды) отличалась неприятием „любомудрия“... репрессивная идеология и практика сделали своё дело» — философы или уходили в сопредельные гуманитарные сферы, или составили «слой „свободно парящей интеллигенции“», о котором писал ещё К. Мангейм» [Там же: 337].

Между тем, с 1960-х гг. круг чтения, соответственно круг размышлений существенно расширился. Возник ИНИОН, Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, который поставлял и книги, а главное — рефераты книг, не доходящих до читателя. Бибихин писал в сокрушении сердца, что в то время, как его ровесники на Западе серьёзно анализировали возникший мир, он занимался их реферированием. Я скажу несколько иначе: мы радовались, что наши современники на Западе осмыслили мир, готовы были присоединиться к совместному осмыслению, не страшась своего опоздания. Поскольку мы, люди, опаздываем всегда, то, кто сейчас впереди, кто сзади, большого значения не имеет. Гораздо большее значение имеет неспешное распутывание клубков мысли. И это гораздо важнее скандалов вокруг того, много или мало философии в нас.

Можно обнаружить сдвиги в хронике жизни АП: почти на три года (с 1968 г. по 1971 г.) исчезло его имя из философской литературы, но не из общественного мнения — следствие подписанства. Современным молодым людям не слишком ясен острый смысл этого явления: мы сейчас столько всего подписываем! Ходим на демонстрации протеста, стоим возле зданий суда, почти открыто спорим, несмотря на угрожающие предостережения. Представить себе, что такое выйти на площадь с протестом, в то время было почти невозможно. Забастовка рабочих электровозостроительного завода в Новочеркасске против повышения розничных цен, сопровождавшаяся снижением зарплаты, закончилась расстрелом и в прессе не обсуждалась. Народ внутренне гудел, но внешне безмолвствовал. В 1968 г. после того, как был раздавлен нашими танками «социализм с человеческим лицом» в Чехословакии, у части интеллигенции возникла, однако, потребность выразить свой протест против такого наглого вмешательства в дела иностранного государства. Несколько (семеро!) человек вышли на Красную площадь. Их арестовали, судили, кого-то отправили в ГУЛАГ, кого-то сослали. Я помню, как собирали

вещи для Ларисы Богораз. Но и до 1968 г. в СССР действовали подпольные кружки (об этом рассказывает Г.М. Померанц в своих книгах), «гудели» академические институты, на собрания приходили вышедшие из ГУЛАГа люди. Институт истории АН СССР был разделен надвое, потому что парторганизация не давала санкций на изгнание из партии А.И. Некрича, всего-то написавшего небольшую книгу на основании *изданных* материалов «1941. 22 июня»! Были инсценированы писательские дела: сначала Иосифа Бродского, затем А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля.

Символом того времени стал Александр Ильич Гинзбург. Так, правда, его никто не называл — просто Алик. Алик решил, что он не будет подпольщиком, пропагандируя открытое и свободное общение. Он стал издавать журнал «Синтаксис», участниками которого были Иосиф Бродский, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Евгений Рейн, Генрих Сапгир и др. А после процесса над Даниэлем и Синявским издал «Белую книгу по делу А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля», где рассказывалось об этом процессе. Создателей «Белой книги», а ими, помимо Алика, были Юрий Тимофеевич Галансков, Алексей Александрович Добровольский и Вера Иосифовна Лашкова, арестовали, дело слушалось 8–12 января 1968 г. в Московском городском суде. Подсудимым вменялись в вину публикация книги за границей, а, кроме того, «преступная связь» с эмигрантской организацией «Народно-трудовой союз», организация, с которой Институт философии успешно проводил конференцию по синергетике спустя чуть больше 20 лет.

Кампания в защиту Гинзбурга и К^о способствовала консолидации протестной активности в стране и установлению двойственности правозащитного движения: активного (например, публикация открытых писем в чью-то защиту с передачей «на Запад») и пассивную, нацеленную на повышение профессионализма, что совсем не мало. Стала издаваться «Хроника текущих событий» — самиздатский информационный бюллетень. Именно тогда ряд философов также подписал письмо в защиту Гинзбурга и К^о. В числе «подписантов» были Г.П. Щедровицкий, Б.И. Шрагин, И.А. Алексеев, Ю.А. Давыдов и др. В их числе — АП., который был исключён, как и многие, из КПСС и уволен с работы личным приказом директора⁵. В то время он был известен в самых разных кругах. Есть свидетельство Неи Марковны Зоркой, киноведа, о том, как его исключали. Она пишет о том времени, когда они ещё не были знакомы (познакомились позже). «Рассказывали про некоего Сашу Огурцова из какого-то академического института, который, будто бы, когда его начали на парткоме допрашивать, вдруг послал всех матом и кинул им билет! Вот это да! Так бы и мне!» [Зоркая 2011: 180]⁶.

Диссиденты и люди, активно сочувствующие им (жены и мужья диссидентов, друзья и подруги), жили в то время сплоченно. Девизом были слова из песни Б.Ш. Окуджавы «Возьмёмся за руки, друзья».

После исключения из партии, влекущее увольнение с работы, АП печатался редко, да и работал кое-где и кое-как.

Мы с Сашей познакомились в момент, когда его исключили из КПСС. Я работала в секторе методологии истории М.Я. Гефтера. В 1968 г. нас разогнали. Я об этом написала две статьи, потому повторять здесь историю сектора нет смысла [Неретина 2006]. Важно только сказать, что организованный в 1964 г. сектор методологии истории показал, что методология не одна. Академик-историк И.И. Минц, один из главных сталинских идеологов, написал Гефтеру, когда он выступал в Президиуме Академии наук, доказывая необходимость организации сектора методологии истории, записочку, в которой напоминал, что методология уже есть,

⁵ В интервью Резнику АП сказал, что исключены были все члены КПСС. Это, однако, не так. Некоторые после исключения в первичной партийной организации затем получили выговор с занесением в учётную карточку.

⁶ Нея Марковна перечислила многих «подписантов», рассказала о них очень интересно и очень лично. Благодарю за помощь в поисках этого материала Н.А. Зоркую.

марксистская, и она одна. Организация сектора методологии истории означала, однако, её конец задолго до её официального конца. Сектор просуществовал четыре года, но эти годы изменили дискурс, ракурс, аспект, саму историю.

Гефтер с друзьями долго воевали с дирекцией Института всеобщей истории АН СССР за право существования сектора, писали записки в президиум АН СССР от имени сочувствовавшего академика А.М. Румянцева, которые я таскала помощнику Румянцева Б.С. Работу, одному (наряду с Румянцевым) из инициаторов и создателей Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР, человеку, сыгравшему, кстати говоря, большую роль в разрядке международной напряжённости. В наше время подстегивания международной напряжённости это читать странно, но разрядка была частью «оттепели». Помогал Гефтеру в этой работе АП. И однажды Михаил Яковлевич нас представил друг другу, хотя это было не в его привычках: он всегда старался беседовать один на один. Саша стоял на балконе, спиной прислонившись к перилам, и смотрел в комнату на нас с Леной (Еленой Михайловной) Михиной, собиравшихся что-то печатать, собирать, отвозить. Улыбающийся очень худой человек с длинными чёрными волосами и казавшимися чёрными глазами. С этого момента мы стали дружить: ходить в кино и вести по вечерам бесконечные телефонные разговоры о философии, социологии, политике, о наших кошках-собаках и вообще о том-о сём.

Эхо сектора Гефтера прозвучало много позже. Когда в 90-е годы организовывался наш Центр, АП придумал для него название: Центр методологии и этики науки. Я спросила: почему такое название (меня кривило от слова «методология», для меня с эпохи марксизма-ленинизма это было слово с рогами). Он сверкнул глазами: к такому названию никто не придерётся. И я вспомнила, что меня кривило и тогда, когда Гефтер пригласил меня работать в сектор методологии истории: что это такое? Я должна идти туда, откуда (от марксизма-ленинизма) всеми способами пыталась уйти. Потом я подумала, что это псевдоним разногласия знания, теоретических путей знания, вариативности взглядов *на* и *в* познание. Гефтер сумел меня примирить с этим тугим словом. Но вспомнила я об этом тогда, когда в Центре стала появляться серия сборников: «Методология: от феноменологии к онтологии», «Методология и антропология», «Методология науки: исследовательские программы», «Методология науки и дискурс-анализ». АП издавала слал привет Михаилу Яковлевичу. Название нашего Центра оказалось заставкой для возможности выполнения не только конкретно-дисциплинарных задач, который решает каждый институтский отсек, а всех философских проблем. И мы жили с этим названием около двух десятков лет. Потому неверно считать АП методологом науки, как неверно считать и теоретиком науки. Он был философом второй половины XX в. — начала XXI в., привычно работавшем под разными псевдонимами, в том числе методолога. Весь XX век был псевдоимёнен. Жаль, что это оказалось не понятным.

Года не прошло после его смерти, пары башмаков не изношено — Центр с таким названием упразднён. Я бы его оставила хотя бы как мемориальный центр.

Этот хитрый просверк глазом — характеристика жизни АП — его философская характеристика. Если этого просверка не учесть — не учесть и необыкновенно гражданственной его позиции в каждом жесте, философском ли, политическом или повседневном. Ирония помогала ему в его бросках: он мог вонзить этот свой взгляд в любую проблему, в любой спор, отсекая пошлость и высокомерие.

Но вернёмся в конец Шестидесятых.

Некоторое время после увольнения он мыкался без работы, а затем, в 1969 г., попал в Советскую социологическую ассоциацию. Его друзья (И.В. Блауберг) и его тогдашняя жена (Н.Ф. Наумова) предложили внештатно поработать над Социологическим словарём, что он и сделал, написав 1200 страниц. Затем его взял к себе И.С. Кон. Словарь не вышел, он до сих пор бродит по нашему дому с полки на полку. Может быть, когда-то удастся его опублико-

вать — для *истории* появления социологии в нашей стране это важный документ. А в 1971 г. его взял к себе Б.М. Кедров, с которым они вместе выпустили две монографии. Хотя с какого-то тома в издательстве «Наука» сняли его фамилию. Друзья-редакторы (например, А.И. Могилев, который в издательстве «Наука» заведовал философской редакцией) предупреждали АП о том, что фамилию снимают, он что-то пытался сделать, но в принципе он не был борцом за свое марксистское имя в отличие от философского.

Кедров выступил гарантом научной квалификации АП, но он ещё долго — и по прежней увлечённости, и по новым обязанностям — занимался Марксом. Обращение к философской антропологии Маркса привело, естественно, к более углублённому изучению немецкой классической философии, прежде всего — философии Гегеля. Я уже писала, что первые — ещё студенческие — работы АП были посвящены проблеме труда в философии Гегеля, анализу его натурфилософии, его диалектике, категориям «мера», «практика», «отчуждение». Эта философия была, однако, далека от антропологии, чужда проблематике человека, а проблема отчуждения отождествлялась с объективацией духа в различных формообразованиях — нравственности, праве, искусстве, религии, науке, философии. Так в поле зрения АП оказались проблемы философии науки, понимаемой как часть философии объективного духа, или философии культуры. Философия науки тем самым рассматривалась как рефлексия о категориальной структуре научного знания и формах его развития, о методологических процедурах и принципах науки, её основаниях, идеалах и нормах. В составе философии науки помимо методологии науки вычленяются гносеология, аксиология и онтология научного знания.

Поворот к философии науки у АП был связан ещё с одним обстоятельством. Философская антропология по своему замыслу и принципиальной установке противопоставлялась объективно-научному знанию, прежде всего — социологическому изучению общественной жизни. Необходимо было разобраться в том, каково же отношение философской антропологии и социологии. Это привело к обсуждению таких проблем, как место ценностных установок и суждений в объективном знании, идеалы и нормы научной деятельности, механизмы трансляции знания в различных культурах, роль различных систем образования в трансляции знания. Гносеологический анализ познавательных методов и структур, исторических форм системности знания восполняется изучением форм сознательной институционализации знания. Поэтому поворот в 70-е — 80-е годы от гносеологии к социально-философскому исследованию знания повлёк за собой сдвиг интересов АП к проблемам социологии знания и социологии науки, дисциплинарной организации научного знания, форм коммуникации учёных на переднем крае науки (типы дискуссий в классической науке, научные школы, «невидимые коллегии» и др.). Расширение гносеологических установок позволило рассмотреть классическую философию и логику не только как рефлексии о структуре и способах изложения дисциплинарного знания, но и как своеобразную форму социальной институционализации науки (так называемая «университетская», или академическая наука), прежде всего идеалов научности.

АП исполнилось 50 лет, и он был уже очевидным авторитетом и среди коллег, и среди определённого (диссидентского и околодиссидентского) интеллигентского круга. Его пятидесятилетие отмечалось среди этого круга друзей широко, более того, на самом празднике ожидалось разрешение спора: он должен был что-то сделать, а если нет — побриться. С незапамятных времён он ходил, как пелось в одной песне, «в бороде» («Сегодня парень в бороде, // А завтра где? В НКВД. // Свобода, б... // Свобода, б... свобода»). Вот эту бороду, чтобы не быть в НКВДе, пришлось сбрить. Я помню, как издали увидела его, спешившего в ИИЕТ (он всегда спешил, хотя никогда не опаздывал и вообще не было необходимости спешить), и не узнала: из-под берета не торчало бороды. Вадим (Вадим Львович) Рабинович (1935–2013),

химик и алхимик, поэт и философ, написал стихотворение с посвящением «Александру Павловичу Огурцову в решающие моменты его бытия, осмысленные в день его пятидесятилетия (опыт перевода с внутренней речи на внешнюю)». Вот этот перевод.

Охвачен сплином или смогом,
Но сердцем вечно молодой,
Он говорит: «Клянуся Богом...» —
После одной.

Затем, пригубив рюмку твиши
И закусив её икрой,
Он говорит: «Ты меня слышишь?» —
После второй.

За третьей рюмкою, не скрою,
Изыскан, словно стиль ампир,
Он скажет с прямою мужскою
Насчёт тыр-пыр и восемь дыр.

И вот, когда уж всё забыто,
Под утро, серое в свинец,
Процедит, словно шито-крыто:
«Марье Ивановне... конец!»

Итак: от Бога и до Марьи,
Пробравшись через восемь дыр,
Скликает он, всю гусаря,
Своих товарищей на пир.

На пир ума... Строча проспекты
Илюшке бедному⁷, развив
Б.М.⁸ глобальные проекты,
А после этого отлив

В томы тяжёлые... Ей-богу,
Почти один среди жулья,
Дурья и прочего шмуля⁹ —
Как солнца луч навстречу смогу

О, Саня милый! Ты нас слышишь?
Той Марье вовсе не конец!

⁷ Илья Семенович Тимофеев (1923–2014) заведовал сектором в ИИЕТ, где работали П.П. Гайденок, В.М. Рабинович, А.В. Ахутин, В.П. Визгин и др.

⁸ Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985) — директор ИИЕТ, затем заведующий сектором, куда взял на работу А.П. Огурцова.

⁹ Шмуть Рувимычем Вадим называл Семена Романовича Микулинского (1919–1991), который с 1974 г. по 1987 г. был директором ИИЕТа, сменив на этом посту Б.М. Кедрова. АП и Рабинович, с одной стороны, и Микулинский, с другой, люто ненавидели друг друга.

Немало ты ещё напишешь
Как умница и молодец.

Концепций Марксовых в развитии,
Да вздрогнет весь учёный мир
И только вымолвит «тыр-пыр»
В ответ на все твои открытия...

Мы любим Саню Огурцова,
Как водка любит помидор.
Но... не пора ли выпить снова,
Что так не просто с неких пор».

Вадим подтвердил всё, что я сказала раньше и длиннее, т. е. хуже. Друзей действительно было много. После иных празднеств, когда многие оставались ночевать, я едва могла пробиться к входным дверям.

До 1988 г. АП работал старшим научным сотрудником ИИЕТа АН СССР, куда они с Б.Г. Юдиным в 1986 г. перетащили и меня из журнала «Природа». Я почти два года была ответственным секретарём «Вопросов истории естествознания и техники». Эти годы, когда мы практически втроём (Саша, Борис и я) весело и споро делали журнал, были одними из самых счастливых в жизни, и я всегда буду благодарна им за доставленную радость — общения, понимания, открывшегося простора. А с 1988 г. он до конца жизни работал в Институте философии РАН.

И всё же до 1976 г. работы АП появлялись крайне редко. Пятитомная «Философская энциклопедия» в голубой обложке в то время была (особенно начиная с т. 3) важнейшим философским прорывом: стали публиковаться статьи о философах «серебряного века», но и вообще о хороших современных или забытых философах и поднимались новые темы. АП стал публиковаться и в ней, и в других энциклопедиях, надолго определивших его краткий, сухой сдержанный стиль. Там он приобрел новых друзей, таких, как, например, Ю.Н. Попов, с которым не прерывал общения всю свою жизнь и о котором отзывался с безмерным почтением. Поскольку я была редактором первой статьи АП в ж. «Природа», я хорошо помню, как недоброй памяти А.С. Федоров, зам. директора ИИЕТа и куратор нашего философского отдела, пытался или снять его статью из номера, или напечатать её под псевдонимом, или загнать куда-то в угол. Фотографии в первой напечатанной статье не дали, хотя большие статьи в «Природе» всегда сопровождались авторскими фото. Диссидентский шлейф за ним тянулся долго, хотя сам он активным участником возникшего тогда диссидентства не был (или надо разбираться, что входило в это понятие). Я помню, как пренебрежительно относилась к нему редактор книги А. Тойнби «Постижение истории», вышедшей в переводе его друга Е.Д. Жаркова и составителем которой был АП, помню своё удивление его, скажем так, кротостью, с какой он сносил её, мягко говоря, хамство, — ему важно было, чтобы книга вышла.

В ходе перестройки вообще многое было забыто или перекошено. Для Саши большим ударом было предательство Г.Д. Гачева, считавшегося его другом. В «Независимой газете» в 1990-е гг. появилась статья NN (который, кстати, как-то приносил свою статью и в Вопросы истории естествознания и техники, и я её редактировала), в которой он «разоблачал» гонителей Гачева. Он привёл в пример редакторскую правку «науковеда» Огурцова, которая как бы превращала блестящий текст Георгия Дмитриевича в серую писанину. Я хорошо помню эту историю. Гачев, который был и моим хорошим знакомым (я была редактором в журнале «Природа», где он хотел опубликовать главу из «Национальных образов культуры», и, уже за-

бракованную всё тем же уже помянутым Федоровым, послала её на рецензию Д.С. Лихачеву с просьбой или не откликаться, или дать положительный отзыв. Получила положительный. Статья всё равно не пошла, но рецензию у меня попросил Георгий Дмитриевич, и я ему отдала). А с АП они работали в соседних секторах в ИИЕТе, и, когда обсуждалась книга и была вначале забракована, Гачев, не раз просивший Сашу выступить своим защитником перед Учёным советом или защитником близких ему людей¹⁰, сделал это и на этот раз. АП, как обычно, обдумывал стратегию защиты. И придумал: отредактировать её не образным, а наукообразным языком, которым овладел, работая в энциклопедиях (я считаю своей заслугой, что отучила его от этого языка), но правку внести карандашом — её легко стереть после одобрения книги Учёным советом. Так оно и случилось, с одним «но»: книга была одобрена и вышла в авторском варианте, но экземпляр с карандашной правкой остался, и Гачев любезно передал его пасквилянту. Его жена, Светлана Семеновна Семенова, и дочь, Анастасия Георгиевна Гачева, были возмущены этой статьёй, и свое возмущение высказали нам в Звенигороде, где происходил симпозиум по философии науки. Анастасия Георгиевна даже грозились написать опровержение — видимо, не удалось. Но она всегда и всюду выражала Сане почтительное уважение. От Георгия же Дмитриевича мы не услышали даже сожалений. И он почему-то очень удивился, когда я, встретившись с ним в Институте философии РАН, где издавалась одна из его книг, весьма холодно с ним поздоровалась. Саша это переживал остро, но молча. Это был дружеский удар поддых. И я никогда не стала бы об этом даже упоминать, если бы было выражено хоть малейшее сожаление.

АП сам назвал свой стиль «аналитико-дискурсивным», т. е. ориентированным на целостное постижение рассуждения, которое вместе с тем не может быть постигнуто вне аналитичности. Причём аналитический стиль он не противопоставлял дискурсивному, «так как любая аналитичность предполагает дискурс или восприятие и постижение целостной структуры или текста, или беседы, а также обмен мнениями между собеседниками, каждый из которых выступает в защиту своей позиции, и беседа, тем не менее, образует целостную речевую структуру». Так, он полагал, что «Венский кружок логического эмпиризма ограничивался высказываниями, изолированными и от контекста беседы, и от самой беседы. Г.Г. Шпет ограничил философию языка анализом слова: для него слово — основное понятие, оно есть концентрация смысла. Венский кружок представил структуру научного рассуждения в виде атомов-пропозиций. Для них фраза, или пропозиция, концентрация смысла, возникала на основе нейтрального протокольного языка. Изначально научное рассуждение представлено в некоем целостном дискурсе, который, конечно, можно препарировать в совокупность атомарных высказываний» [Резник 2010: 417].

АП полагал, что осмысление любой речи требует аналитичности, но всегда нужно иметь в виду её целостность, потому что тогда ухватывается смысл. Этот период его жизни — Восемьдесятые — Девяностые — был богат друзьями. К старым (оставшимся от Шестидесятых — Семидесятых) прибавились новые — Ю.А. Шрейдер, С.В. Мейен, В.В. Калининченко. Он был накоротке с А.В. Ахутиным, П.П. Гайденко, Н.С. Юлиной. Но самым близким нашей семье был Юра, Юрий Александрович Фридман (1932–2007), режиссёр, который был скорее не другом даже, а братом, который всегда защищал его от моих наскоков, с которым мы обсуждали наши замыслы, бегали по театрам и выставкам, болели, лечились и по которому тосковали, когда он ставил спектакли где-то в глуши. Все они были весьма талантливые люди, с которыми легко было жить, пить, петь, писать стихи, работать, сжигая себя.

¹⁰ Вот записка Гачева Сане, хранящаяся теперь в моем домашнем архиве: «Саня! Будь добр и ласков — этот Светланин (его жены Светланы Григорьевны Семеновы, специалиста по истории русской религиозной философии, 1941–2015. — С.Н.) орус к следующему вторнику (10 ноября) великодушно отретензировать — страничку-полторы — в 2х экз. и — перепечатать. Обнимаю. Твой Ж. Гачев. 3.11.[19]87».

Когда Сане исполнилось шестьдесят, Б.Г. Юдин сказал: «Честно говоря, я думал, что Санька до шестидесяти не доживёт: так горел».

Конец 1980-х гг. (начиная с 1985-го, с приходом на должность Генерального секретаря КПСС М.С. Горбачёва) уже предвещал перемены. Я помню, как, когда я уже работала в ВИИЕТ, меня остановила П.П. Гайдено и спросила, когда же Саня подаст заявление на восстановление в партии. Я что-то неопределённо хмыкнула, а про себя подумала, зачем это ему надо. Потом передала этот вопрос Саше, он улыбнулся и сказал: «Зачем мне это надо?». Меня вообще интересовал тогда вопрос с партией. Сама я в ней не только не была, но и всегда отмахивалась от этого: мне трудно было представить себе, что я кому-то должна рассказывать свою автобиографию, посвящать незнакомых и чужих людей в факты моей жизни. Не письмо же потомкам... Мне это казалось чудовищным. Я спрашивала у АП, зачем он-то вступил, и получила два разных ответа: 1) семью надо кормить (в 1961 г., в год вступления в КПСС, он был женат, и у него был сын), 2) обсуждая этот вопрос со Шрагиным, они решили, что надо расшатывать её изнутри. Думаю, правда, что в 1961 г. были и иллюзии обновления, связанные с хрущевской «оттепелью». С этой иллюзией были связаны и «ленинские» темы. Считалось, что Сталин — злодей, предавший заветы Ленина. Мой тогдашний муж, без ума влюбленный в русскую литературу, просил меня, тогда откомандированную в Отдел рукописей Ленинградской Публички для занятий палеографией с исторического факультета МГУ, посмотреть, нет ли там письма Ленина, якобы отменявшего расстрел Н.С. Гумилева. Навивность была колоссальная: кто бы стал в Публичку, пусть и в Отдел рукописей, отдавать столь жуткие письма! Нужно было ещё десятилетие, нет, нужен был 1968-ой, чтобы иллюзии развеялись в дым.

Перестройку мы пережили уже вдвоём. Он очень внимательно относился ко всем событиям, ходил на все демонстрации, словно боялся, что без него что-то не свершится. В августе 1991 г. мы ходили к Белому дому, и он подставил плечо под какую-то балку, которую несли на строящуюся баррикаду. Я тогда смеялась: «Ты как Ленин на субботнике». Из наших в то время ближайших знакомых не все были твёрдо уверены в том, что путч провалится. Регина Семеновна Карпинская, к которой мы в какой-то момент завалились попить кофе (она жила в высотке на набережной им. Тараса Шевченко), боялась, что всё провалится. Моя итальянская подруга Анна Педетти в это время передавала какой-то итальянской газете происходящее перед Белым домом. Саша молчал. Но когда передали, что путчисты отбыли к Горбачёву в Форос, строго и внятно произнёс: «К хозяину полетели!» Он был уверен, что Горбачёв, пусть молча, но дал возможность путчистам переустановить часы.

Это было время, когда многие интеллигенты вошли в Верховный совет. С.С. Аверинцев, Вяч.Вс. Иванов... Саша, насколько я знаю, был единственным или одним из немногих, кто отказался выдвигаться в депутаты. Когда в Институте Давид Израилевич Дубровский предложил его кандидатуру, он вышел на сцену и, после того как возразил «Я не член партии» и получил ответ: «Примем!», обескураженно произнёс: «Я всю жизнь хотел заниматься своим делом, чтобы мне не мешали. Сейчас как раз такое такое время. Зачем мне?..»

Так же он ринулся было на помощь Б.Н. Ельцину и в 1993 г. (после воззвания Е.А. Гайдара). Но тут я своих мужчин, ни сына, ни мужа, никуда не пустила. «Домой!» — кричала я сыну в трубку, когда он позвонил и сказал, что едет со съёмок какого-то кино по Минскому шоссе и что готов... «Домой, пожалуйста: у них (у Гайдара, Ельцина) были все возможности справиться. Нельзя так рисковать людьми!». Наутро мы с Наташей, моей невесткой, правда, поскакали к Моссовету, не взяв ни Илью, на Сашу, поить кофе из термосов ребят, жёгших костерочки на мостовой, что производило впечатление некоего революционно-романтического флёра, и слышали гулкий удар. По парламенту. По Белому дому.

Впрочем, сказать про Сашу, что он был не смел, не только нельзя, а даже неловко об этом думать. Его отчаянная порядочность срывала его с места и бросала туда, куда требовали обстоятельства. Однажды мы поздно ночью, чуть ли не последним поездом метро ехали на вокзал, на ночной поезд в Коктебель. Народу было мало. Я дремала. Вдруг почувствовала, что место возле меня опустело. Оказалось: встал Саша. Два вора, два здоровых, высоких мужика снимали золотую цепочку с шеи спящей девушки. Они делали это умело и даже как-то нежно: та не проснулась или, испугавшись, сделала вид, что не проснулась. Из всех сидящих в вагоне только небольшой, очень худой Саша встал на выручку. Поезд остановился, двери открылись, воры выскользнули, и я считаю, что это позволило Сане остаться в живых. Но у него ни на секунду даже мысли не возникло, что можно было этих бандитов как бы не заметить.

Мы жили тогда плохо — я впервые взяла деньги в долг. Стояла в очереди в магазин на Никольской улице, где когда-то продавали химические препараты, за фланелевой мужской рубашкой.

В 1988 г., когда мы уже работали в Институте философии, вышла, наконец, его первая монография «Дисциплинарная структура науки», сданная в печать в ИИЕТе, на основании которой в 1991 г. АП защитил докторскую диссертацию с тем же названием. Эта монография обозначила границу, точку поворота в его жизни.

Распад советской идеологии позволил поставить ряд новых проблем социальной истории науки: подавление философии в СССР, возникновение науковедения в СССР в 20-е гг. XX в., возврат к анализу отечественных историко-научных разработок, преданных забвению из-за господства тоталитарной идеологии, в частности В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, В.Н. Муравьева и др. Основной круг интересов, сосредоточенный на социальной истории естествознания, дополняется ещё одним — историей философии науки. Иногда говорят: это человек эпохи Возрождения. Про АП можно сказать — человек эпохи Просвещения, синонимом которой является «Энциклопедия» Вольтера, Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбера. Его собственные энциклопедические знания тому были бы подтверждением, если бы он не был человеком, философом, учёным нашей современности: внимание к столь разнообразным вопросам и проблемам обеспечивалось единым концептуальным каркасом. Его энциклопедизм происходил не из постоянного накопления знаний, которые затем обобщаются и результируются. Наоборот: его мысль, постоянно стоявшая в точке начинания, внимательная к тому, что стойки называли «ведущим», потому и умеющая разворачиваться в разные стороны, требовала энциклопедизма. Постоянный настрой на новое толкал его на участие в самых разных проектах, на создание собственных проектов. Так, например, работая в РГНФ, он организовал серию публикаций философов, не забытых, но находившихся в тайниках нашей памяти: Г.С. Батищева, М.К. Мамардашвили, М.К. Петрова и др. Он принял активное участие в издании «Новой философской энциклопедии», где был автором (и соавтором) ряда статей. Организаторы и редакторы этой энциклопедии (В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и он) получили Государственную премию. Особенностью её было то, что в ней давались альтернативные точки зрения на один и тот же предмет; статьи, посвящённые одному и тому же вопросу, подписывались разными авторами, которые не дополняли друг друга новым материалом, а выдвигали *свои собственные* позиции по заданному вопросу.

Осмысление особенностей античной философии науки, начатое в книге «Дисциплинарная структура науки» (1988), продолжено в исследовании «Философии науки эпохи Просвещения», в анализе особенностей отечественной философии науки, начиная с XVII в. Понятие «образ науки», выдвинутое ещё в 1972 г. в статье, опубликованной в сборнике «Философия и наука», используется при исследовании разных образов науки в России в XX в. (от функционально-организационного до экологического). Акцент на философии Просвещения имел

дальний прицел: философия, которая саму мудрость понимала как свободу мысли и которая, таким образом, себя рассматривала как «путь постижения свободы», соответствовала теме, которая давно была его чаянием: раскрытие природы тоталитаризма. Тоталитарная власть в сопряжении с наукой нашла своё раскрытие в сборнике, составителем которого был А.П. Огурцов [Наука и тоталитарная... 1993], и в статьях «Наука: власть и коммуникация» (ВФ. 1990. № 11), «Идея научной революции в социально-политическом контексте» (сб. «Революции и традиции в науке». М., 1990 и др.). Но дело и не только в теме. Или: вообще не в теме. АП ненавидел советскую темень, окружавшую нас очень долгое время. Он был совершенно пристрастен к малейшим малостям этой темени, тем более к её размашистой, нахрапистой внутренней пошлости и погани, готовности к уничтожению не то что нового, но — всего, готовности не к научению, а к тотальной борьбе с непонятым. Тот безусловный прогресс в науке, которым прославился СССР, покоился на кромешной беспробудности власти, желающей только сохранить эту власть. Необходимость такого сохранения, т. е. вооружения, и позволило совершить научную возгонку. Этим объясняется неустанное возвращение АП к теме террора, ГУЛАГа, философского поражения. В своей последней прижизненно опубликованной статье «Поражение философии», которая является его своеобразным завещанием, он писал: «Когда в [19]60-е годы я входил в философию, я отдавал себе отчёт о крайне неудовлетворительном состоянии философских исследований, и как-то, собравшись в редакции „Философской энциклопедии“, мы (я и Эрик Григорьевич Юдин) сформулировали перед собой ту задачу, которую поставили перед собой, — сделать всё для того, чтобы не опустить планку философских разработок и по мере сил способствовать подъёму этой планки (пусть небольшому, но всё же заметному)» [Огурцов 2013]. Я полагаю, что он эту задачу решил, потому что неустанно трудился, разворачивая свои, каждый раз новые, интенции. Его книги и статьи цитируются, недавнюю ссылку я видела в «Независимой газете» по поводу академического персонала, который пытаются ликвидировать ликвидаторы Академии наук. Он стал несомненным авторитетом в философии. То, что был членом редакционного совета Новой философской энциклопедии, членом редколлегий многих журналов («Вопросы философии», «Человек», «Вестник РГНФ», «Идеи и идеалы»), Новой российской энциклопедии, членом редколлегий многих серий книг — свидетельство, однако, не только его авторитетности, но и его необыкновенной активности. В 1989–1990 гг. АП руководил межинститутским семинаром по социальной истории отечественной науки и был руководителем проекта «Социальная история отечественной науки (электронная библиотека и архив, 2000: <http://russcience.euro.ru>). Перевёл ряд работ Э. Гуссерля.

В 1990 г. АП впервые выехал за рубеж: вместе с Б.Г. Юдиным и П.А. Тищенко они полетели в Америку. Лететь было не в чем, мы пообтерхались. Я в день его вылета прискакала из Италии, мы на ходу где-то встретились, и я передала ему джинсы, в которых он потом долго жил. В Нью-Йорке они встретились с Б.И. Шрагиным, с которым не чаяли увидеться. Связь с ним прервалась по вине Саши: он патологически не мог писать письма. Только в последние годы, часто находясь в больнице, в отделении реанимации, начал писать мне длинные записки. Борис переживал молчание, спрашивал Лину Туманову, куда запропастился Саня. К 1990 г. Шрагин был уже тяжело болен, встрече был рад. Расстались с надеждой, но оказалось — в последний раз. Вскоре он умер. Потом мы вместе были в Италии, Греции, Германии, Франции, Израиле. В Италии встречались с Витторио Страда, который, спутав Сашу с другим Огурцовым, Игорем Вячеславовичем, написавшим программу военно-политической организации «Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа» и долгие годы отбывавшим лагерный срок, долго выспрашивал его о жизни в ГУЛАГе, но потом, когда улыбающийся Саша вскрыл обман, разговор потёк о литературе, философии, истории, войдя в знакомое русло. Мы расстались друзьями. Семья Страда жила на острове. Они с женой

проводили нас на парходике до Венеции. Это случилось в день рождения Саши. Было несколько часов до поезда в Москву, и мы решили отпраздновать. Но у нас почти не было денег. Мы, расположившись на скамье у моста Риальто, подсчитали мелочь и решили, что нам вряд ли удастся откупорить шампанского бутылку. Решить купить хотя бы бутылку минеральной. Пошли вдоль витрин и испытали шок: минеральная стоила дороже бутылки красного вина, которую мы купили и распили, закусывая остатками печенья.

В Девяностые была интенсивная научная жизнь. Ездили на конференции в Минск, Пермь, Ростов-на-Дону, где когда-то жил М.К. Петров. Саша много способствовал изданию его книг, участвовал в Петровских чтениях. Знаменательной была конференция в Анапе после развала СССР. В Анапе стали обсуждать проблемы перевода. Очень волновались украинцы: боялись как бы хайдеггеров «дом бытия» не зазвучал как «хата бытия».

Последние пятнадцать лет жизни АП прошли *sub specie morbi*. В 1999 г. Саше сделали три операции на сердце. Недоброжелатели считали, что после длительного наркоза он вряд ли сохранит остроту ума. И я подвигла его на то, чтобы вместе писать книгу, которая получила название «Время культуры». Так началась наша совместная работа. На деле она смогла начаться потому, что у нас был *ежедневный семинар. Наши книги — производное этого ежедневного семинара*. Мы написали, помимо «Времени культуры» и «Истории культурологии», ещё четыре книги: «Пути к универсалиям», «Реабилитация вещи», «Концепты политической культуры» и «Онтология процесса», не говоря о многочисленных статьях, которые я, возможно, опубликую отдельной книгой.

В последнее десятилетие его жизни мы вместе организовали онлайн-журнал «Vox. Философский журнал», издательство «Голос», для которого он лично подготовил сборник «Платон-математик» (2011), который довольно быстро разошёлся, лично готовил и почти закончил редактирование книги Поппера «Мир Парменида» (издание заторможено смертью В.М. Садовского, который был правопреемником Поппера), участвовал как автор в коллективной монографии «Философские акции» (2011), который наш Центр специально готовил, отвечая на вопрос «что такое философия?» Мы также вместе подготовили книгу «Подвластная наука? Наука и советская власть» (2010). Это было дополненное издание старого сборника «Наука и тоталитарная власть» (1993). Разошлось две трети тиража. Это была издательская неудача, хотя мы считали эту книгу очень актуальной: она готовилась в годы, когда страна переходила на рельсы, называемые чаще всего авторитарной властью, но которую я определяю как принципат.

Мы жили втроём. Со всеми поочередно прошедшими через нашу жизнь собаками: умнейшей дворнягой Митричем, ирландским сеттером рыжим Шоном, с прибившимся к нам пуделем Шмендриком, с англичанками-сеттерами Корой и Лорой. Я была хозяйкой Лоры, а она — хозяйкой Саши. Мы жили вместе, но и каждый самостоятельной жизнью. Эта жизнь ему нравилась. За день до смерти я спросила его: «Хочешь домой?» Он моргнул. Я говорила ему, что он не должен уходить, многое не закончено, в том числе не дописано заключение к нашей книге «Онтология процесса». Потом оказалось, что оно написано, я в нем не изменила ни строчки. Но подумала: в тот момент, когда я произносила казавшиеся ему уже нелепыми слова, он, вероятно, уже знал свою последнюю, всю жизнь преследуемую мысль. Жаль, что она осталась за порогом.

Я добила его признания, и я лично ему благодарна — за согласие с идеей речевого тропизма, концепта и философского концептуализма, уже и им развиваемого и отстаиваемого, за открытие средневековой идеи интенции.

Он очень тяжело и долго болел и тяжело умер. Обладавший сильным голосом, он этого голоса был лишён: горло было забито дыхательной трубкой. Его сразил второй инсульт, разом обостривший три «недостаточности»: сердечную, лёгочную и почечную. «Потому что

дряхлое время вечности остановилось, наконец». Последние слова из «Осени патриарха» Маркеса стали и его последними словами в записной книжке: Маркес умер 17 апреля 2014, через три дня после того, как Саша попал в больницу, из которой он уже не вернулся домой.

Последние дни его жизни я готова была повторять вслед за Маркесом: «Я не верю в Бога, но я его боюсь». Думала даже, что всё-таки чего-то от него жду. Однако, оказалось, ждать нечего, надо только бояться. И ещё, того же Маркеса: «Не плачь, ибо это закончилось, улыбнись, потому что это было».

Как считал АП, «каждый мыслитель, анализирующий современное ему общество, не может не задумываться о его будущем. Но аналитическое прогнозирование этого будущего не может вытекать лишь из альтернативности будущего общества современному. В историческом процессе необходимо увидеть те тренды, которые ведут к этому будущему обществу, которое складывается из наличных, актуально присутствующих изменений и трансформаций» [Неретина, Огурцов 2014: 350]. Это одна из последних его редакторских правок текста.

Вообще крайне любопытно просматривать библиографию его работ, чтобы стало ясно, как сдвигались позиции (от марксизма до философского концептуализма), как прорабатывались аналитические аспекты, менялись и тщательно прорабатывались темы — от самых конкретных («Концепция науки Б. Больцано») до самых широких («Концепции науки. XX век: В 3-х т.»). При этом очевиден самый важный сдвиг: от обобщающих итогов к общению, к изменению стиля: от некоего объективного построения к философскому «я», ответственному за поступок речи. Школа, строгое философствование, жёсткая философская позиция начинания проблемы и жажда её обсуждения. В статье Л. Блауштайна об Э. Гуссерле, помещённой в Антологии «Львовско-Варшавской школы» — последней книге, которую он очень хотел издать (и сейчас она издана), — приводятся слова великого феноменолога: «„Философия — это героизм“ <...> Философия является моральным вызовом человечеству» [Блаунштайн 2015: 601]. Этими словами можно с полным правом отметить жизненный путь АП. Он был философ в полном изначальном смысле слова — стремления и любви к мудрости, к истине, к знанию, открывающимся иску любого вопрошания о любой вещи. Для него «философия — это определённый, предельный тип отношений человека и мира <...> *это тематизация предельных смыслов отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому*» [Резник 2005: 325]. Начало начинается с любого разлома, с любой точки, где оно грезится, где нечто показало себя непонятным, более сильным, чем всё предыдущее знание, и требуемый вопрос нуждается в том, чтобы был ответ, каким бы он ни был, иначе начало повиснет в воздухе. Ответ (и ответственность) здесь не менее важен, чем вопрос. Героизм в том, чтобы услышать нечто, ждущее ответа. Иначе не возникала бы ни потребность в вопросе, ни жажда ответа. Я думаю, что его заинтересованность в работе над дискурсом, если под дискурсом понимать речь (или событие, выраженное речью), застигнутую в момент преобразования или потери значений, была из такого начала.

С этим же связан и его жгучий интерес к истории философии. Здесь дело не в ставшей, к сожалению, расхожей фразе, что история философии есть сама философия. Он различал два этих понятия, полагая, что история исполняла роль осведомителя о срывах, сломах и перекапываниях. Что история — не эволюционный процесс (с этой ролью справляется банальная традиция), а революционный. Она трансформаторна, по определению: след не может не быть очерченным. Многие из нас боятся слова «революция», помня о кровавых социальных катаклизмах, с ним связанных. Когда на Украине случился Майдан, я произнесла: «Революция», а он, сверкнув глазами: «Кровь!» Но мы знаем английскую революцию, французскую и русскую, забыв про американскую, которая в учебниках истории не описывается как революция — как освободительное (от англичан) движение. Но в результате освобождения

сменилась не просто власть, а форма правления, и при этом не было ни рубки голов, ни гильотины. Кстати, и у нас в 1991 г. не было.

Я, разумеется, сейчас утрирую позицию АП, но смысл её передаю верно. История — не сплошная линия. Это линия ломаная. Точки слома — точки начинания новой истории-философии. Сама же эта линия проходит не через однородное, а через слоистое время, в котором старые идеи не умирают среди нового знания, а — напротив — вступают с ним в парадоксально-цепкую связь, не во всем желая уступать дорогу. В нашей совместной книге «Онтология процесса» ему принадлежит идея, что процесс понимается как стохастическая серия событий, обладающих уникальностью, необратимостью и сложностью. Именно этот сдвиг современного мышления от гомогенной и линейной темпоральности к нелинейной и эмерджентной темпоральности и является предметом исследований. Эта стохастичность пронизывает всю книгу, наподобие стохастической музыки.

И всё же главная линия его философской жизни — *мощнейший антитиранический запал и мысли, и действия*. Он легко мог повторить Мандельштама:

Я свободе как закону
Обручён и потому
Эту лёгкую корону
Никогда я не сниму.

Именно эта идея вывела его из универсально-понятийного пространства мысли, заставив обратить внимание на идею вероятности. Мыслительный аппарат его головы был устроен так, что он без усилий обращался к разным проблемам: к риторике, методологии, дискурсу, науке, культуре и проч., заставив выбрать концептуалистскую парадигму: общее понималось даже не как вещь, как вот эта конкретная, требующая внимания и усилий решения вещь, а как звучный голос.

Свобода, в конце концов, в какой-то мере свойственна всем. Огурцов понимал её как владение таким знанием (не информацией), такой способностью им оперировать, что, влезая в любой спор, разговор, участвуя в круглых столах практически на любую тему, на семинарах и конференциях, он вольно оперировал заданными и вдруг возникавшими понятиями, не претендуя на роль их создателя. Иногда, не зная как отнестись к Огурцову, который, очевидно, значителен, но не системен, у меня спрашивают: ну, вот что, какое понятие он создал? Ну, первых создал, например, «образ науки», «обращённая вероятность», «диспозициональный концептуализм», «познавательные модели», во-вторых, он все известные понятия взьерошил, побуждая их пересматривать, например, понятия Канта — *Begriff*, *Notion* и *Konzept*, в-третьих, рассуждая о чём-то новом, задавал, как правило, оставляемые в стороне вопросы: для кого? в чём? по сравнению с чем? Вот этот его заряд взбадривал (или должен был бы взбадрить) философию больше, чем введение новых терминов.

Последней конференцией АП в России была конференция, посвящённая связи религии и культуры, в Перми, где некий профессор, проповедовавший необходимость православного образования, сказал мне в ответ на мой вопрос, что делать неправославным преподавателям: то, что делают с несогласными, — уберём. Компенсацией был вид на Каму, когда-то полноводнейшую, а теперь обмелевшую, и музей деревянной скульптуры и современного искусства. Последняя зарубежная поездка состоялась за полгода до смерти — в Бордо, мы участвовали в коллоквиуме, посвящённом 175-летию со дня рождения В.И. Вернадского, где его после его доклада окружили французские студенты, вытащили в фойе и устроили свой симпозиум. Он был счастлив. Это вообще была счастливая поездка, хотя он был очень слаб: мы час шли сотню метров от нашего отеля до памятника главному интенданту Франции. Но увидели

Гаронну, свободную, не зажатую гранитом реку, некогда отделявшую галлов от аквитанцев: об этом писал Цезарь. Мы были на аквитанском берегу и ходили в музей Аквитании, где, увидев барельеф «Встреча Иоакима и Анны», он сказал: «Смотри, это мы».

Путь к себе

Новый мир. Странности отчуждения

Я назвала эту часть статьи «Новый мир» потому, что это время символизировалось журналом «Новый мир», главным редактором которого в 1960-е гг. был А.Т. Твардовский. Время и идеи этого времени были окрашены «Новым миром» (прозой А.И. Солженицина, Василя Быкова, Ю.В. Трифонова, В.Н. Семина, стихами Давида Самойлова, Б.А. Слуцкого, Ю.Д. Левитанского, блистательными очерками В.В. Овечкина, Е.Я. Дороша и др.), когда многие стали приходить в сознание, осмысливать правду о себе, о войне, ГУЛАГе, сталинщине. Возникло чувство расширения рамок истории.

Сейчас, однако, читая работы даже хороших нынешних философов, иногда с удивлением можно заметить, что история в них сплющивается, лица, события, споры, понятия и категории мелькает без связи друг с другом. Возникает впечатление, что пишется всё это с оглядкой на сиюминутный запрос и желание по-быстрому разделаться с предшественниками. Клио, однако, — муза, т. е. «мыслящее», оставляющее вещные следы. Не у истории есть какой-то крот, она сама и есть крот. Русское слово «крот» этимологически связано с движением, шевелением и рытьём (мы говорим: я нарыл источники, или вообще: я что-то нарыл, т. е. разыскал). В забвение уходит большая часть того, что известило нас о своём существовании и скрылось. Филологи-античники знают, что иногда две следующие друг за другом фразы кажутся не стыкующимися друг с другом, однако, не исключено, что ушла в забвение связка, хранящаяся в самом слове. У меня иногда возникает желание составить реестр таких несостыковок. Августин связывает забвение с погребением, что означает возможность потери начал-истоков. Так что делать с первоисточниками, если мы утрачиваются значения слов? Иногда кажется, что те, кто повторяет философские «зады», действительно хранят историческую память. К тому же что считать первоисточниками? Только ли Парменида, Гераклита, Платона, Аристотеля? Те, кто был ещё вчера, уже тоже — источник. Повторение способствует пониманию и вниманию, *perpetitio* — востребованность разборки в том, что осталось за бортом исследования. И в результате вытаскивает оттуда пусть нечто почти незаметное, но прежде незамеченное. Диалог идёт всегда, даже когда по разным причинам не ставишь целью достичь истоков. Это случается в силу и силой исследования. Их вызывает сама мыслимость (мыслительная способность). «Забвение», *oblivium* хранит связь с тем, что зачёркнуто, замазано, что ещё надо постараться заново ввести в память, или на ум, чтобы понять, почему нечто замазано. Надо ли его приводить на ум или оставить погребённым, чтобы оно не повторилось. Русское слово «забвение» говорит о чём-то, что не просто замазано, а находится за пределами бытия. Память и ум — то, чем мы обладаем, забвением — нет. Августин, пытавшийся понять забвение, сумел продумать, что это такое, что о забвении может идти речь только в паре с памятью и умом (иначе всё, начинаясь, тут же и кончается), что между забвением и умом-памятью есть переключение, инициированное умом, и это позволяет понять, почему нынешнему уму мало обливаться слезами над вымыслом — ему подавай самое старое (начало!) для жизни здесь и сейчас [Augustinus 1961]. Философская работа Александра Павловича Огурцова (АП) и её анализ — одна из таких попыток.

Эта работа чётко распадается на три этапа: 1) критический (1963–1976), когда шёл пересмотр Марксовых позиций и уход с этих позиций; 2) философско-научный (1976–1998),

3) философско-концептуалистский с выдвижением принципа вероятностного пути знания (1999–2014). Все три — осознание кризисов философии и места рождения философии, связанного с крушением старого понятийного аппарата. Первый отмечен статьёй «Отчуждение». Второй период связан с рациональной философией. Если «Отчуждение» закрывало первый период, то книги «Дисциплинарная структура науки» (1988), «Философия науки эпохи Просвещения» (1991), главной темой которой являлось осмысление французской революции, «От натурфилософии к теории науки» (1995) составляли второй, завершаемый коллективными монографиями «Философия природы: коэволюционная стратегия» (1995) и «Отечественная философия науки: предварительные итоги» (1997). Маленькая книга «Философия науки эпохи Просвещения» является своего рода фокусом, через который просматриваются и «Дисциплинарная структура науки», и — особенно — «От натурфилософии к теории науки», в которой отмечены циклы и варианты упадка и возникновения постреволюционного эволюционистского знания. Третий период связан с философией концептуализма и пробабиллизма, с нашими совместными книгами — «Время культуры» (2000), «Пути к универсалиям» (2006), «Реабилитация вещи» (2010), «Концепты политической культуры» (2011) и «Онтология процесса» (2014), между которыми он сумел написать с В.В. Платоновым «Образы образования» (2004). В наших совместных книгах мы старались сохранить каждый свой стиль при общем обсуждении тем и выработке стратегии изложения. В них главным героем было не обобщение, а общение. Но, прежде всего, этот период связан с осмыслением того, что АП считал философией (это своё видение он выразил в трёхтомнике «Философия науки: XX век. Концепции и проблемы» и в многочисленных интервью), с прогнозами философии, с болью за философию. Этому, собственно, посвящена его последняя статья «Поражение философии». Впрочем, после нескольких операций на сердце, которые были в 1999 г., после операции на желудке в 2011, после тяжелейших глазных операций все книги, статьи, выступления были главными. Последними.

Статья «Отчуждение» в то время обсуждалась повсеместно. Уже после смерти АП, мне передали соболезнование, пришедшее из Института философии, политологии и религиоведения Республики Казахстан, где было написано, что «в 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию „Отчуждение, рефлексия и практика“, многие идеи которой, особенно связанные с проблемой отчуждения, актуальны и поныне». Статья была опубликована в 1967 г., а память оставила по себе в 2014-м. Дата появления статьи важна — она опубликована за год до исключения из партии в 1968 г., в ней было выражено многое, чем АП жил. Написанное в этой статье современно, определяет нашу жизнь, наши тревоги, наше пристрастное отношение к нынешней позорной и несправедливой жизни.

Каждый этап — новое начинание философии, отработка старых и выдвижение новых принципов, на которых и по поводу которых происходила мысль. Но на каждом этапе им говорило его собственное время.

Попытаемся разобраться в каждом из этих этапов на примерах отдельных работ.

«Отчуждение» он писал как исследовательскую статью для пятитомной «Философской энциклопедии» 1960–1970 гг. Это — не справочный материал и не реферат. Он передавал её затем в другие энциклопедии, сокращая или дополняя. Об отчуждении к тому моменту было написано крайне мало (кто-то где-то написал о нём: занимался-де модной в 1960-е годы темой — этот кто-то ошибался: модной, т. е. широко обсуждаемой эта тема стала именно после статьи АП). Об этом писали либо до 1926 г. (см. библиографию в «Философской энциклопедии»), либо уже много позже: Ю.Н. Давыдов — в Предисловии к т. 4 Собрания сочинений Гегеля («„Феноменология духа“ и её место в истории философской мысли»); И.С. Нарский — в № 4 за 1963 г. в «Философских науках» («Об историко-философском развитии понятия „от-

чуждение“») и Т.И. Ойзерман, который в 1965 г. опубликовал монографию «Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме».

Что сделано в энциклопедической статье? Прежде всего, это превосходный историко-философский анализ проблемы, что всегда подкупает. К 1967 г. новая французская философия к нам заглядывала в основном в виде книг о Марксе, да и сама она только нарождалась (у АП в домашней библиотеке парижское издание «Pour Marx» («За Маркса») Альтюссера, двухтомник «Lire le Capital» («Читать „Капитал“») Альтюссера, Э. Балибара (É. Balibar) и Р. Этабле (R. Establet), у меня дома был «Lenin» Альтюссера). М. Фуко («Слова и вещи») в русском переводе появился лишь в 1975 г. Только что издан М.М. Бахтин, где проблема другого и чужого поставлена как проблема¹¹, при которой происходит как бы присвоение чужого слова в ситуации диалогической речи, т. е. речи, которая требует ответа, а значит понимания и участия. В научно-исследовательских институтах редко, но читаются доклады о соотношении Я и другого, Я и чужого. Ставится Б. Брехт, писавший об острашении и заставивший вспомнить В.Б. Шкловского. Острашение — не отчуждение, но сопоставление ненароком случилось. Термин «острашение», использованный Брехтом, по-немецки звучал как «die Verfremdung». При обратном переводе на русский язык его смешали с марксистским *die Entfremdung* — «отчуждение». В подкорке сознания при мысли об «отчуждении» рядом стояло «острашение». Для АП это стало некоторой преградой. Он старался эту преграду преодолеть, пытаясь не смешивать двух разных вещей. Факт отчуждения он рассматривает как *парадоксальный* момент проявления «невыносимой силы» человека, по Марксу, который в такую же невыносимую силу превращает собственную деятельность, притом Человек из активного субъекта превращается «в объект общественного процесса». *Это, кстати, очень важно для понимания действий современных СМИ.*

АП ставит акцент на то, что отчуждение характеризует, прежде всего, «овеществление» общественных связей, и он показывает способ такого овеществления через показ точек расхождения, слома или преобразования, которые не снимают предшествующие процессы отчуждения от права (древнеримское выпадение людей, лишённых собственности, из общества, христианское грехопадение), а включает их в себя на манер стохастических элементов, конкурирующих внутри одной системы и не прекращающих о себе докладывать.

Но это и привело к сравнению отчуждения с острашением, предполагающем, что вещь видится как бы в первый раз и заново, и вовсе не обязательно её понимать в качестве *так сейчас* явившейся. Тем более что дело было связано с собственностью. Шкловский настаивает на этом, ссылаясь на рассказ Л.Н. Толстого «Холстомер». И хотя речь в его статье «Искусство как приём», где вводится этот термин, идёт вроде бы о новом видении вещи, на деле — об опосредовании вещами отношений между людьми. Смысл такого опосредования — в том, чтобы называть *своими* вещи, которыми не владеют, что, по меньшей мере, *странно*, но не менее и *чуждо* или *отчужденно*. Это проблема своего и собственности, нынешняя насущная проблема (её остро в 90-е поставил Бибахин), но вяло, если вообще решаемая.

Именно в связи с этим ставится вопрос о разрушающем влиянии общественных антагонизмов «на личность человека». Термин «разрушающий» здесь оценочный термин, фиксирующий определённое состояние, при котором «личность» вообще не обязана рассматриваться как нечто особое и уникальное. *Тема тоже вполне современная.* И дело не только в акте передачи определённых «прав личности политическому организму» — этим со времён Т. Гоббса не удивишь. Можно оставаться личностью и без имущества, но вне политического пространства — вряд ли, ибо полития — поле проявления личностной свободы. АП фиксирует точку слома: факт, что разрушение случилось, но стоит ли это делать и дальше, не есть ли это

¹¹ Её впервые поставил учитель Бахтина А.И. Введенский.

путь в безнадёжность свободного существования? Он фиксирует момент появления такой безнадёжности: *в условиях нового времени, когда всё грезило свободой, проявляется «её безличный и авторитарный характер».*

Такие точки слома, по АП, обнаруживающиеся в любой эпохе, показывают не только то, что в любое время «люди, скрывая свои подлинные намерения, предстают друг перед другом в масках, общество превратилось в „собрание искусственных людей с деланными страстями“», но и как они это делают. Отчуждение — термин, заставляющий совершить подмену понятий, имён, определений. Это обусловило важность той идеи забвения, с которой мы начали статью, — подмена могла способствовать забвению изначальных смыслов вещей, отчего «забытому» сознанию трудно обнаружить связь суждений. Этим же была обусловлена повальная псевдонимность XX в. (легче, наверное, перечислить тех, кто не пользовался псевдонимами, чем тех, кто с начала XX в. ими пользовался). Эта псевдонимность связана с тем, что когда-то называли «двойным сознанием», и с прямой ложью XXI в., когда произошло то, что АП назвал банализацией понятий, т. е. тоже забвением их изначальных значений и соответственно ведущих к умоизвращению. Сейчас это очевидно при анализе таких, например, терминов, как «фашизм», «нацизм», «хунта». Но повторю: дело происходит в 1967 г., т. е. в старом мы можем обнаружить *возможности* нового.

И смысл здесь именно в *методе* исследования, каждый раз новом, показывающем, как происходит перекапывание терминов, речевых оборотов, личных и социальных связанностей. Поэтому Центр методологии и этики науки возник не случайно. АП, правда, никогда не переставал быть справщиком метода в смысле поиска нового пути — не методологом: метод непременно включал в себя заставку, которой не может не быть при условии постояннодействующего учёного незнания; методология же являет собой дисциплинарную структуру.

Метод исследования АП предполагает, что придание нового определения или понимания — дело напряжённого ума философа: для одного современный человек живёт «...всегда вне самого себя; он может жить лишь во мнении других, и одно только это мнение даёт ему, так сказать, ощущение его бытия», для другого — отчуждение не онтологично, потому что процессуально [Там же: 30], для третьего...

Но ведь и на процесс можно посмотреть как на онтологию. Этой идеи (*онтологии* процесса) у АП в то время не было, но она предчувствовалась самой стохастикой его мысли. Если в Философской энциклопедии 1967 г. он определяет отчуждение как философскую категорию, то в Философском энциклопедическом словаре 1983 г. он определяет его как «социальный процесс», присущий антагонистическому обществу. И процесс здесь неназванно онтологический. Основной для АП была идея целостности, но она всегда была важна, как важны история, культура и повседневность, даже если эта целостность дана как неоконченная, как фрагмент с открытым началом и открытым концом. Если не знать, что слова «вечно прикованный к отдельному малому обрывку целого, человек сам становится обрывком», принадлежат Ф. Шиллеру [Шиллер 1935: 213, 214], которого цитирует АП, то их вполне можно прочесть как принадлежащие нашему времени.

Разумеется, нет смысла модернизировать любую позицию, но вникнуть в неё стоит, если философу предстоит прожить как философу ещё почти полвека.

Что в этой статье осталось незамеченным? Сопоставление Хайдеггера и Н.А. Бердяева, о коих в то время почти *не знали*, а потом не заметили тех, кто знал. Между тем оба писали об отчуждении. Но если у Бердяева — АП пишет со ссылкой на «Смысл творчества» — отчуждённое бытие связывается с «кризисом гуманизма» и «возникновением машинной техники, разрушающей органическое отношение между человеком и природой», то Хайдеггер, для которого отчуждение — очевидно, не предметность, хотя он не произносит этого слова, рассматривает *условия* появления отчуждения. Отчуждение рассматривается как «способ бы-

тия в условиях общественности, в мире повседневных забот; обезличивание человека, превращение его в функциональную единицу общества он описывает как растворение человеческой «экзистенции» в Man — отчуждённых общественных нормах поведения и образа мыслей. «Используя общественные средства сообщения, используя связь (газеты), каждый уподобляется другому... Мы наслаждаемся и развлекаемся так, как наслаждаются другие, мы читаем, смотрим и высказываем суждения о произведениях литературы и искусства так, как смотрят и высказывают суждения другие; но мы сторонимся также „толпы“ так, как сторонятся другие; мы „возмущаемся“ тем, чем возмущаются другие. Способ бытия повседневности предпосылает Man, которое не является чем-то определенным и которым является всё...» («Sein und Zeit», Tüb., 1957, S. 126–27).

«Man» Хайдеггера, что Бибахин перевёл как «люди», «люди» неизвестного рода, вообще все, Огурцов перевёл как «другие», подразумевая под «другими» тоже «всех вообще». На мой взгляд, это даже точнее, потому что в бытии-с-другими действительно при использовании «публичной информационной системы»¹² «всякий другой» (Бибахин) или «каждый» (Огурцов) «подобен», или «уподобляется другому»¹³. «Другие» в данном случае — те, кто поступает, как все, носители горизонтальной передачи чего бы то ни было от поколения к поколению.

Термин «отчуждение» и концепция отчуждения приживались долго. После его введения Гегелем, где «отчуждение» рассматривалось как становление духа чем-то отличным от самого себя в объективном мире, и развитой Л. Фейербахом теории отчуждения как проекции духа человека на воображаемое божество, даже Маркс при жизни этот термин употреблял редко, а, как пишет М. Мусто, «в марксизме II Интернационала (1889[год рождения Хайдеггера. — С.Н.]–1914) он отсутствовал полностью» [Мусто 2013]. Это-то и интересно: термин стал широко употребляем в XX в., отвечая чаяниям XX в. Но если Д. Лукач, вновь введший этот термин в оборот, обращал внимание на овеществление производственных отношений, на экономические структуры общества, то Огурцов скорее на гуманистические эффекты, ведущие не столько к обезличиванию, сколько к «рождению „странного“ мира», намекая на идею «остранения» Шкловского, тем более, что Маркс давал для того основание. В этом суть его противопоставления Бердяева и Хайдеггера. Если Бердяев делал акцент на материализованное бытие, которое и есть отчуждённое бытие, связанное, повторим, с «кризисом гуманизма» и «возникновением машинной техники», то Хайдеггер связывал его с падением (термин Бибахина) в мир, или обречённости (термин А.В. Михайлова) здесь-бытия [Хайдеггер 1993(а): 40].

АП основывался на «Бытии и времени», но спустя примерно четверть века Бибахин переводит «Письмо о гуманизме», в котором Хайдеггер прямо спорит с концепциями типа Бердяевской, что подтверждает интуиции Огурцова. Он считает, что, поскольку Маркс, «осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории», то «его взгляд превосходит другие исторические теории». Поскольку же ни феноменология, ни экзистенциализм не достигают этого измерения, то продуктивный диалог с марксизмом оказался невозможным. Но именно к этому диалогу готов сам Хайдеггер, анализируя среди прочего понятие «отчуждение», пытаясь отойти от «дешёвых опровержений» материализма. Дешёвое опровержение, на его взгляд, состоит в следующем: «существо материализма заключается не в утверждении, что всё есть материя, но в метафизическом определении, в согласии с которым

¹² Так у Бибахина передано то, что у Огурцова звучит как «общественные средства сообщения» — в 1960-е годы ещё не было понятия о СМИ, слово «коммуникация» чаще всего употреблялось в значении комплекса систем, обеспечивающих систему жизнедеятельности потребителей, например, инженерные коммуникации, подземные коммуникации и проч.

¹³ См. и ср.: Хайдеггер 1997: 126-127.

всё сущее предстаёт как материал труда» [Хайдеггер 1993(б): 207]. Человек, почувствовавший в себе субъекта, опредмечивает действительность. В существе техники и кроется существо материализма, «о которой, — как он пишет, — хотя и много пишут, но мало думают. Она не только по своему названию восходит к „техне“ греков, но и в истории своего развёртывания происходит из „техне“ как определённого способа „истинствования“ <...> т. е. раскрытия сущего» [Там же]. Строго возражая «Бердяеву» (и АП в статье чутко подметил две разные позиции), Хайдеггер так же «странно» определяет отчуждение, считая, что присутствие, или Dasein, не может быть фактически оторванным от самого себя. Чем оказывается отчуждение? «Оно вгоняет присутствие в способ бытия, склонный к предельнейшему „самоанализу“, искушающему себя во всех толковательных возможностях, так что являемые им „характерологии“ и „типологии“ сами уже становятся необозримыми <...> ведёт <...> к тому, что присутствие в себе самом *запутывается*» [Хайдеггер 1993 (а): 178]. Акцент на самоанализ, который можно сделать в этой фразе, ведёт к тому же, что говорит и АП: к странности, остранённости, даже забвению бытия. Но акцент на «запутывании» возвращает к изначальному утверждению о «растворении человеческой экзистенции в „Ман“». Это в свое время позволило АП сделать вывод, что для рождения «странности» мира больше сделали гегелевское понимание самосознания абсолютного духа, его персонификация, «которая в мистифицированной форме отражает в себе предшествующую теоретическую деятельность», или фейербаховское религиозное сознание, понятое как «разорванное сознание» [Огурцов 1967: 4].

Разумеется, Хайдеггер обращал внимание на отчуждение как на «*экзистенциальный модус бытия-в-мире*». Но взгляд на исторически-определённое бытие, а не просто историческое Man, напоминающее анонимную ментальность школы «Анналов», важен не менее. Ханна Арендт в вышедшей к этому времени книге «*Vita activa oder vom tätigen Leben*» (Stuttgart, 1960) [Арендт 2000], писала, касаясь отчуждения, что дело Маркса «заключалось в том, чтобы определить человека в „его индивидуальнейшем бытии одновременно как общественное существо“ <...> Эту от природы общественную природу человека Маркс часто называет также его „родовой сущностью“, и знаменитые Марксовы теории отчуждения трактуют в первую очередь самоотчуждение человека, а именно его отчуждение от своей родовой сущности: „Непосредственное следствие того, что человек отчуждён от продукта своего труда <...> есть отчуждение человека от человека“» [Там же: 115]¹⁴. Эта позиция, противоположная Хайдеггеру, но близкая АП, показывающая сходство движения мысли.

Ясно, что переход к Хайдеггеру от Бердяева, критика Хайдеггера осуществились в энциклопедической статье напрямую, поскольку ошибка позиций здесь была очевидна — только-только являющегося советскому свету Бердяева и только-только являющегося Хайдеггера, который, вскипев в 1960-е при вяло текущей оттепели, кстати, так и остался погребённым под ворохом доперестроечных и постперестроечных философских самооправданий вплоть до 1993 г., когда друг за другом появились переводы Хайдеггера А.В. Михайловым «Работы и размышления разных лет» и Бибихиным «Время и бытие». После 1997 г., когда Бибихин перевёл «Бытие и время», пошёл вал переводов. Но тогда это было шествие наощупь, было началом, с начала же преданным забвению, — обращали внимание на что угодно, только не на то, что составляло соль статьи.

Этот настрой в другом месте (не в энциклопедии) нуждался бы в сопоставлении с Хайдеггеровским же пониманием личности, которая «не вещь, не субстанция, не предмет» [Хайдеггер 1993(а): 47]. Но и отчуждение — не предмет, а способ бытия в мире повседневности, способ, ускользающий от необходимости объяснения, но открывающийся пониманию, поскольку понять отчуждение — значит понять человека в опыте отчуждения. Не понять, что

¹⁴ См. также с. 210 и § 35 «Начало отчуждения мира» в гл. 6 «*Vita activa* и Новое время».

за предмет — отчуждение, а понять, каким образом отчуждение проявляется в человеке — то, на что обратила внимание Арендт.

Хайдеггер — имя, сломавшее старую парадигму анализа проблемы. Этот слом обнаруживается просто при внимательном чтении его описания проблемы.

Факт обращения к другим направлениям философско-социологической мысли, формирующим в человеке капиталистических обществ «импульсивную мотивацию (в капиталисте — садизм, иррациональную жажду власти; в рабочем — мазохизм), которая, возникнув, превращается в одно из условий функционирования и развития» общества, показывает неприемлемость для АП «поверхностных форм превращённых социальных связей», которые он считал следствием непонимания «подлинных причин и реального процесса отчуждения». Этот реальный процесс обнаруживается в работах Маркса 1842–44 гг. и прежде всего — в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», где исходным пунктом понимания становится проблема отужденного труда. По Марксу, в условиях антагонистических общественных отношений рабочий относится к труду как к принудительному внешнему процессу, «не развёртывая свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряя свою физическую природу и разрушая свой дух. Человек ощущает себя свободным не в процессе труда, а лишь в том бытии, которое не отличает его от животного».

Это АП подметил так же, как и Ханна Арендт. Суть выражения — в том, что «отношение рабочего к своей деятельности определяет и отношение его к предметам и продуктам своего труда, которые принадлежат не ему, а либо отдельному частному собственнику, либо всеобщему капиталисту — государству и выступают по отношению к рабочему как чуждые, враждебные ему сущности, во власть которых он всё более попадает». И если в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс выводит отчуждение из отношения рабочего к своему труду, которое как результат определённых социальных процессов само должно быть объяснено, то в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс развивают это свое понимание, считая необходимым «...изобразить действительных индивидов в их действительном отчуждении и в эмпирических условиях этого отчуждения...» ... и фиксируют следующие моменты процесса отчуждения: 1) отчуждение частной собственности; 2) отчуждение государства, когда общий интерес „...принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных — интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности“; 3) отчуждение социальной деятельности, которая превращается в „отрицательную форму самодеятельности“ — труд». Новым в «Немецкой идеологии», по мнению АП, является то, что «отчуждение связывается здесь с разделением труда и рассматривается как его следствие». Теоретически же завершённый вид концепция отчуждения приобретает у Маркса в экономических рукописях 1857–58-х гг., «Капитале», у Энгельса — в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринге» и др.

Желание показать формирование реального процесса отчуждения спровоцировало АП на исследование разных понятий, выражающих различные стороны отчуждения и их соподчинение. Он подчёркивал необходимость анализа понятий и делал это, насколько позволяли рамки жанра энциклопедической статьи. Эта кропотливая работа с понятиями — та школа, которую постоянно возобновлял АП. Он подвергает анализу возникающие при этом процессе «понятия *Verausserung*, *Entausserung*, *Entfremdung*, *Fremdartigkeit*, *Versachlichung*, *Verdinglichung*, выражающие различные стороны отчуждения и их соподчинение. Категории *Verausserung*, *Entausserung*, *Entfremdung* выражают углубление процесса отчуждения, по мере развития товарно-денежных отношений. *Verausserung* характеризует факт передачи, отчуждение товара одним товаровладельцем другому, т. е. изображает отношения простого товарного обмена; капиталистические отношения эта категория описывает с их внешней, обменно-правовой стороны. Категория *Entausserung* (отчуждение во внешнем бытии) даёт более глубокую

характеристику превращённых социальных отношений: она выражает овеществление социальных отношений в деньгах — вещном носителе абстрактного богатства. Наконец, категория *Entfremdung* носит наиболее всеобщий и глубокий характер, выражая отчуждение всего социального мира, создаваемого человеком, превращение его в чуждый человеку мир капитала. При этом и юридическое отчуждение (*Verausserung*), и отчуждение во внешнем бытии (*Entausserung*) являются внешними формами процесса отчуждения (*Entfremdung*).

После такого расклада полномочий определённых процессов, выраженных упомянутыми терминами, АП показывает отличие Маркса от тех учёных, которые занимались проблемой отчуждения: он анализирует самый процесс отчуждения, снимая вещную оболочку его, которая обнаруживает исторически определённый тип общественных отношений. В «Капитале» выявляется специфика этих сторон отчуждения, что позволило Марксу связать теорию отчуждения с теорией фетишизма, в частности товарного фетишизма: овеществление (*Verdinglichung, Versachlichung*) общественных отношений и персонификация вещей как одно из проявлений отчуждения.

Отсюда понятен дальнейший интерес АП к вещи, что мы пытались выразить в книге «Реабилитация вещи», в которой основной акцент был сделан на единстве нечто и знака, его звукового и речевого выражения, что и делает вещь вещью и что совершенно выпало из поля зрения Маркса. Но момент чуждости между нечто и знаком очевиден, вопрос состоял в том, как соединяются эти чужести друг с другом. «Нечто» всегда уже то, что есть, а знак меняет это «есть», он, *signum*, — *falsum*. Но это ложное или фальшивое, ошибочное нам зачем-то нужно, поэтому, строго говоря, занимаясь философией, т. е. говоря, мы занимаемся теорией ложного. То, что Поппер назвал теорией фаллибилизма, существовало задолго до него в средневековой философии, например, у Аврелия Августина, фраза которого «*fallor, sum*», «ошибаюсь, значит, существую» не вошла в крылатые выражения, очевидно, из большой «любви» к средневековью, начиная с XVII в. Да и «*cogito ergo sum*», приписываемое Декарту, родом оттуда же, только недавно об этом стали напоминать. Подчас думается, что философия столь привлекательна для немногих именно потому, что эта теория лжи не способна удовлетворительно отвечать на вопросы об истине. Отсюда наша способность врать (врачевать) и наша же способность верить в существование истинного. Потому без этапа, когда требовалось понять процесс отчуждения, когда нечто становилось иным и, стало быть, ложным по отношению к тому, от чего оно отчуждалось, не было бы поворота к вещи. Но в то время важно было подчеркнуть основные моменты отчуждения: 1) отчуждение деятельности человека, который выходит из процесса труда обеднённым и опустошённым, поскольку творческие силы человека противостоят ему как чуждые, господствующие над ним силы капитала; 2) отчуждение условий процесса труда и его результатов; 3) извращение отношения между субъектом и объектом: человек становится объектом производственного процесса, а отчуждённая вещь, капитал, получает самостоятельное активное существование. Происходит субъективирование вещей и овеществление субъектов, которое Маркс вскрывал в учении о фетишизме.

Идея отчуждения странным образом оказывается актуальной и сейчас. 4 марта 2015 г., после похорон казнённого политика Бориса Немцова на радиостанции «Эхо Москвы» С.И. Сорокина вела беседу с известным адвокатом Генри Резником, который определил современную ситуацию как «неконтролируемый подпольный терроризм». При этом он сказал: «Я бы прибавил тут хорошее слово немодного нынче Маркса — „отчуждение“, учитывая ту тяжёлую ситуацию материальную, расслоение колоссальное, коррупцию, от власти у нас люди были отчуждены». Реально мы присутствуем при рождении новой ситуации, востребовавшей старое понятие для атомизированного общества.

И.Г. Яковенко, размышляя о собственности как священном и неделимом праве, считает, что она «должна быть закреплена на уровне Конституции. Законная собственность может

быть отчуждена у титульного собственника только за долги. Единственным основанием утраты права собственности может быть признание её по суду незаконной. Собственник имеет право апелляции к суду высшей инстанции. Лишать собственности могут только судебные исполнители. Собственник имеет право защищать свою собственность всеми доступными ему способами. Власть, посягающая на собственность граждан, утрачивает основания легитимности». То, что, казалось, было делом давно минувших дней, есть наша повседневность, правда, сейчас речь уже идёт о том, чтобы вырабатывать процедуры, способствующие «отчуждению частной собственности на государственные и муниципальные нужды», что «возможно только в соответствии с тщательно прописанной процедурой, включающей оценку объекта независимой аудиторской службой и выплату вознаграждения» [Яковенко 2012].

В свое время Бибихин в статье «Для служебного пользования» сетовал, «что когда ваш ровесник в Германии готовил докторскую диссертацию по философии, вы возвращались домой после трех лет в армии уже без мыслей о философском факультете, с идеалом народной простоты и физического труда. Нужны были годы, чтобы высшее образование снова начало манить вас <...> Совершенным чудом попав в рай сектора информации Института философии, вы находили имя вашего немецкого сверстника в библиографии, откуда могли теперь выбрать его для перевода и реферата. Не в том беда, что он тем временем, спокойно и систематически работая, успел далеко уйти вперед. Хуже было то, что вы следили теперь за ним из ниоткуда, из темноты. То, что он делал на свету, изложенное вами, шло в далёкие кабинеты и в закрытые отделы библиотек. То, чем вы занимались, было не философией, а только информированием <...>» [Бибихин 1999].

В случае с АП было иначе: он сам прорабатывал проблемы, прорабатывал разрешённые *властью* проблемы так, что они казались не разрешёнными и неразрешимыми при разрешённости властью. Ситуация (не только для АП, но для всех, кто всерьёз пытался понять, что такое марксизм, а в начале 1960-х даже и ленинизм, который некоторое время пытались отсоединить от сталинизма) парадоксализовалась тем, что этих, желающих всерьёз разобраться, действительно эти проблемы интересовали, а тех, кто считал марксизм единственно допустимым мировоззрением, интересовало лишь одно: чтобы новое прочтение не выходило за рамки установленных догм. Люди, называвшие себя философами или историками, будто не понимали, что этого — при новом прочтении чего бы то ни было — не может быть. Всё пойдёт по-другому. В статье «История с методологией истории», посвящённой истории краха сектора Гефтера, я писала, что реально марксизм окончился, когда был создан сектор методологии истории, самым появлением своим показавший, что есть *иные* методы анализа, чтения, рассуждения о жизни, истории, обществе. Но я хочу сказать, что реально сектор был разогнан (как официально считается) не из-за *опубликованной* книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности», а из-за *невыходившей, но подготовленной к печати* — «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы». Дебаты по поводу этой книги велись до её выхода в свет. На одном из таких обсуждений меня вежливо попросили не вести записей.

Так что статью «Отчуждение» нельзя читать как чисто академическую справку. Ею двигала сама наша тогдашняя жизнь, которую не прочитала наша жизнь современная.

Дело в том, что при наложении проблемы отчуждения, казалось бы, капиталистического сообщества на социалистическое, оказывалось, что речь идёт о чудовищном отчуждении работников от любого (в том числе гуманитарного) труда. Не случайно синонимом слову «труд» стал термин «работа» (от «раб»), а не «опус» как свободное поэтическое произведение.

Нигде АП не говорит, что в социалистическом обществе создаются объективные условия «для преодоления отчуждения, для отмирания государства», как о том твердила офици-

альная концепция. Наоборот, он пишет: «Превращение социальных институтов в сложные рационализированные бюрократические системы... является одним из следствий отчуждения». Бюрократизация же социальных институтов «связана с пассивностью народных масс, которые из подлинных творцов исторического развития превращаются в объект политического управления со стороны господствующего класса». Это прочитывается в русле социалистической жизни, даже если пишется о капитализме. Можно задать вопрос: где же при социализме господствующий класс? Но на помощь приходят слова Сталина о том, что при социализме классовая борьба только усиливается. Партийная номенклатура, то, чему впоследствии АП посвятил не одну свою работу, вполне и до поры до времени успешно играла роль этого класса. В 1965–1967 гг. это прочитывалось так. В то время это называлось «фигой в кармане», но через год он заплатит за неё получением «волчьего билета» — изгнанием из КПСС.

Сейчас легко смеяться над фигурами в кармане, но в то время они рассматривались как насмешка над партократами. Это было время, когда философия поднимала голову, потому что все понятия теряли свои значения. Вот и М.К. Петров через год в ж. «Вопросы философии» скажет, что сейчас нет смысла разбираться в оппозициях материализм/идеализм, капитализм/социализм [Петров 1969: 131].

Статья об отчуждении — это статья о том, как «формируются *специфические формы ложного идеологического сознания* (от религии в собственном смысле до „светской“ авторитарной идеологии)», как «*классовое сознание превращается в институциональную идеологию*, которая адекватно выражает волю господствующего класса, враждебного народу» и — внимание! — «*демократической интеллигенции*, но превратно отражает самую социальную реальность». Например, «увеличивается власть политических институтов над культурой (господство цензуры, консолидация органов печати в руках небольшой группы политиканов и т. д.), а также разрушительное влияние средств массовой коммуникации и пропаганды (печать, радио, телевидение и пр.), с помощью которых осуществляется психологическая обработка масс, навязываются идеологические штампы, стереотипы мысли и поведения. Возникает разобщённость внутри самой культуры: формируется так называемая «массовая культура», ориентирующаяся на эстетическую неразвитость обыденного сознания и закрепляющая её».

В целом это — диагноз нашего времени, поставленный почти полвека назад.

Тотальная революция

Второй период (1970–1995) — период проработывания идеи научного рационализма, всегда привлекательного потому, что это понятие (всевластие экспериментирующего Разума) оказалось трудно определимым, хотя оно стало девизом века Просвещения, или «века философских наук» [Огурцов 1993: 3]. Это время работы в ИИЕТе, где он был связан естественнонаучным материалом, который, как он говорил, ему был «не сам по себе интересен, а своими „привязками“ к философии. Например, никто не знает, что Гамильтон в 1804 г., прочитав работу Канта „Критика чистого разума“, построил обоснование алгебраической теории на основе кантова анализа времени. Алгебра для Гамильтона — это приложение чистого учения о времени как последовательности „теперь“. Существуют неявные метафизические предпосылки, которые становятся основанием для осмысления определённого материала, для построения научной теории» [Резник 2010: 418].

Философия естествознания понята АП как рефлексия культуры. При этом он исследовал социальную историю науки и социальную теорию познания и дал анализ дисциплинарной структуры науки и междисциплинарных исследований различных форм научного сооб-

щества; тех изменений, которые происходят «на переднем крае» науки (новых форм организаций науки и малых групп научных исследователей: научных школ, «невидимых коллегий»).

АП до последнего момента собственной жизни стоял на позициях Разума, защищая его от поползновений теологии. В книге «Философия эпохи Просвещения», до сих пор мало исследованной эпохи, он тщательно анализирует различные полемизирующие друг с другом концепции естествознания, «по-разному трактующие и свой объект, и характер развития науки, и её движущие силы, дающие совершенно различную периодизацию исторического процесса» [Огурцов 1993: 3].

Надо заметить, что АП только в последних интервью специально говорил о необходимости возвращения к началам, к поискам истоков философии: он полагал, что это стремление выражено в имени философии, так же, как предполагалась и свобода как таковая. Участвовать в бесконечном повторении этого не хотел. Греческая ελευθερία завораживала как пение сирен, которых, не погибнув, хочется услышать. Греки ли открыли саму идею свободы, которая, судя по всему, означает добровольное следование божественному (высшему, истинному, лучшему из всего, что любишь), это вообще вопрос. Но это «ведёт» философию, и это он считал естественным, а потому не был озадачен специальными разработками принципов. Он бросался в обсуждение с этой самой свободой, формируя принципы в процессе обсуждения, которое само при этом превращалось в массивированный вопрос. Его философией был спор; не провозглашение диалога, а сам разворачивающийся диалог, основанием которого служила идея пробабиллизма. С античных времён «скептицизм относительно абсолютного истинного знания и относительно абсолютного критерия его истинности привёл к осознанию значимости идеи вероятности и к утверждению различных степеней вероятности. Можно сказать, что впервые в истории философии была развита эвристическая концепция вероятности, применённая к анализу форм знания и выдвинувшая вместо идеи истины идею правдоподобности» [Огурцов 2010]. Для того, чтобы диалог о смысле знания был строг и избавлен от «избыточных трактовок слова „вероятность“, когда им называются разнопорядковые предметы, предполагающие различные категориальные и методологические средства исследования», стоило бы, на взгляд АП, создать вероятностную методологию [Там же: 18].

Эпоха Просвещения — фокус, через который все концепции, прошлые и современные просматриваются и анализируются с помощью того самого метода, который был выработан на первом этапе философской деятельности АП. Я бы хотела обратить внимание на то, что за внешне сухим изложением сути дела (философии науки) прорывается живое соучастие в судьбе человека. Это было свойственно АП: он был эмоционально весьма сдержан, даже сух, но совершенно непоколебим в принципах, особенно политических, полагая, что «пороки просвещённых народов обусловлены не ростом, а упадком знания» [Огурцов 1993: 140], *что полностью соответствует нашей действительности*. К нему вполне применимы слова, сказанные об одном из героев его книги «Философия науки эпохи Просвещения» Ж.А. Кондорсе, арестованном во время Парижской революции и доведённом до самоубийства его издателями: «Он совсем не хотел пятнать свою мысль воспоминаниями о своих преследователях, и в величественном и продолжительном одиночестве он <...> посвятил себя работе общей значимости и способной выдержать испытание времени» [Там же: 137–138]. Сам АП посвятил себя неуклонному, неспешному, непрерывному занятию философией, невзирая на моду, стрелы и скверны, философией строгого разума.

На что обратил он внимание, занимаясь эпохой Просвещения, определившей во многом и наше время, и, прежде всего, обогатившей его понятием сциентизма?¹⁵ Прежде всего, на

¹⁵ К сожалению эта книга не упомянута в статье, касающейся этого времени. Её автор рассматривает только статью М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева «Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления)»; см.: Пушаев 2015.

жёсткое отличие науки от искусства, начатое ещё в Средневековье. Наука — это то, что «исходит из идеи эмпирической проверяемости выводов из гипотезы или теории, их интерпретации на эмпирическом материале» [Там же: 151], а искусство — это «средство, с помощью которого разум может проникнуть в души и распространить свои достижения» [Там же: 155]. АП замечает, что «в этом подходе к роли искусства не трудно заметить утилитаристские мотивы, уже присущие просветительскому сциентизму, однако следует обратить внимание на другой аспект: просветители осознанно проводят различие между искусством и наукой» [Там же]. На это редко обращают внимание, пользуясь двумя терминами (наука и искусство) как само собой разумеющимися. Во-вторых: АП обратил внимание на рождение имманентной философии (хотя будет мощное противостояние этому со стороны классической немецкой философии). Невзирая на противоречия в осмыслении мира (Разум, с одной стороны, Бог, — с другой), усилия просветителей были направлены на события (в том числе, а, может быть, и прежде всего, научные) *этого* мира. Последующая экзистенциальная, а затем и постмодернистская философия — наследники той самой имманентности. В орбиту действия разума включаются климат, сельскохозяйственные работы, создание календаря, географические путешествия, навигация, физическая конституция человека, его история, государственный строй и политические институты, историография¹⁶, обломки древних памятников («архивы мира»), животные, птицы, минералы и пр. И всё это направлялось идеями равенства и свободы, хотя с позиции некоторых носителей этих идей науке отказывалось в почтении.

АП же в презрении к науке и к раскидывающемуся вширь знанию, в презрении к кропотливому труду и терпеливому наблюдению, без которых нет «дальновидности острого ума», видел «конечную причину временных побед жестокости и пороков» [Там же: 140], агрессивности со стороны даже профессионального сообщества и просто хамства, даже если политически (по какой-то случайности, например из эпатажа) люди оказывались на одной доске. Естественноисторический подход к истории показал силу воздействия культурно-исторической и политической среды на развитие знания. Потому просветители подчёркивали важную роль государственной власти, не культивирующей, а уничтожающей предрассудки, где всякий человек, а не привилегированная каста людей мог проявлять деятельный ум и иметь отклик на его действия. АП считал ошибкой подобные упования, хотя понимал заинтересованное участие учёных в революции, потому что в этом случае власть рассматривалась как то, что можно переустановить.

Как и Ж.А. Кондорсе (короткий рассказ в книге о его самоубийстве и о подобных же жизненных перипетиях, происходивших с другими философами, загнанными властью на край пропасти, обнаруживает внутреннюю потребность АП понять границы отношений науки и власти), он был озабочен вопросом: «Я спрашиваю, почему с такой заботливостью устраняют тех, просвещение и республиканизм которых оказали бы самое сильное сопротивление королевской власти. Не хотят ли заключить нас в тюрьмы и не заняты ли приготовлением их, со всем искусством бастильских тюремщиков, только для того, чтобы подвергнуть нас пытке слышать, как будут провозглашать короля?» [Там же: 137]. Он жил реально с такими жёстко продумываемыми вопросами, усугубленными войной на Украине, спровоцированной Россией, разгоном РАН, попытками ввести режим возрастных ограничений на официальные занятия наукой и проч. Это не влияние профессии на судьбу личности, это и есть целое человека как сопричастника жизни.

¹⁶ АП буквально заставил меня включить в «Онтологию процесса» главу об историографии Парижского восстания Этьена Марселя, потому что по ней видно, как меняются оценки события в зависимости от политических пристрастий историка. Эту изменчивость в оценках при предположенности «потерянных побуждений» особенно важно понять сейчас, когда обсуждается концепция единого учебника истории.

Эпоха Просвещения как бы опробовала разные стратегии и разные логики мышления, что делает её похожей на нашу современность (достаточно переключить кнопки на телевизоре, чтобы это понять). Именно эта схожесть и заставила АП приступить к её анализу. К тому же эта эпоха — эпоха кровавой революции, а АП относился к этому феномену с тревогой. Он, рационалист того же аналитического склада, который проповедовали просветители, определял разум не только как обобщающий, но и как общающийся, открытый, вероятностный, ибо ему претила диктатура Разума, пропагандируемого философией Просвещения. АП почти на пальцах показывал, как происходил переход к диктатуре, «выдвинувшей программу формирования сознания и способностей индивида независимо от его желаний, возможностей, выбора», считающей себя вправе переделывать человека «в соответствии с универсальными нормами Разума, вести всех людей к всеобщему счастью, не интересуясь их мнениями и предпочтениями» [Там же: 39]. Он считал пагубной самонадеянность учёных Просвещения, и в этой пагубности видел «причину трагедии террора, развязанного якобинцами» [Там же: 40].

Какие, однако, разные революции: в русской революции 1917 г. не было и тени обсуждения власти всеобщего Разума, в русской революции 1991 г. при провозглашении плюрализма о разуме забыли вообще: он вошёл в агон войны.

АП видел метания этой эпохи. С одной стороны, было желание Декартовых ясности и достоверности (фактически именно в это время формируется *историческое* сознание, влекущее за собой проблему причинности и путь к историческому априори). С другой — представление бытия как истории, «исключённой из состава всеобщего, необходимого, достоверного и объективного знания и рассматриваемой как сугубо описательная, эмпирическая наука, которая может достичь лишь *вероятного*, а не достоверного знания» [Там же: 30].

Идея вероятностного подхода была главной в последние годы жизни АП, он специально посвящал ей доклады, статьи, огромные разделы в монографиях. Связана она была у него, исходно, с даламберовой идеей «потерянных побуждений к движению» [Там же: 129]. И это при том, что Д'Аламбер как раз в науке искал ясные и простые исходные принципы, число которых должно быть минимально. Однако противоречие это кажущееся: вероятность, как считал АП, также покоилась на ясных принципах. Вероятное иногда путают с релятивным. Года за три до смерти он делал доклад о пробабиллизме как пути поиска истины, и некоторые учёные эту идею восприняли странно: якобы он предлагал некий релятивистский вариант исследования. Ему пришлось объяснять позицию: для истины каждая самая строгая теория — вероятностна. Каждая теория была вероятной для *другой* теории...

Причём, как он сам говорил, его интересовала судьба идеи вероятности, её происхождение и восприятие с самых ранних времён. Понятно, почему «теория случая», как её называл П.С. Лаплас, должна была в эпоху Просвещения возродиться как феникс: это время (особенно на первом этапе), когда история начала рассматриваться как «поле предположений, а не очевидных фактов». Она «мыслится здесь как последовательное движение по синхронным срезам, а последовательность определяется с помощью анализа структуры языка, соотношения его элементов», благодаря которому «преодолевается разрыв времён» [Там же: 26–27].

АП считал предрассудком убеждение многих учёных, что якобы вся классическая физика основывается на лапласовском детерминизме. Иначе как «так называемый детерминизм» АП не называл идеи Лапласа. Он, АП, даже объяснял, откуда он взялся. Эпохе Просвещения досталось большое богатство знания от прежних времён, а собственные естественноисторические исследования понуждали это разнообразие каким-то образом классифицировать. Чтобы соединить непрерывность природы с изменчивостью организмов, учёные начали классифицировать её образования. Природные существа в классификационной таблице (Просвещение заворожило и нас на создание бесконечных таблиц, моделей и схем) должны были разме-

щаться «в порядке непрерывной одновременности» с тем, чтобы показать время и подчинить себя «времени как силе, развёртывающей элемент за элементом» [Там же: 29]. Естественно классифицированное время — это «квазивремя и квазиистория», но в них скрыто бесконечное количество вариаций вещей. Поскольку же история исключалась из состава всеобщего и необходимого знания, она рассматривалась как эмпирическая наука, которая способна дать о себе только вероятностное знание. Но поскольку историческим сознанием проникнут весь корпус знания, то в него проникают и вероятностные основания знания, даже если исследователь настаивает на достоверных принципах. Этот парадокс и фиксировал Лаплас. Когда он написал то, что именуют детерминизмом («современные события имеют с событиями предшествовавшими связь, основанную на очевидном принципе, что никакой предмет не может начат быть без причины, которая его произвела»), он под очевидностью полагал то, что лежит на поверхности, но затем он описывает состояние схватывающего это единство Ума в согласительном наклонении: «Ум, которому *были бы* известны для какого-либо данного момента все силы, проявляющиеся в природе... *если бы* он, кроме того, был достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, обнял *бы* в одной формуле движения величайших тел Вселенной наряду с движениями легчайших атомов: не *осталось бы* ничего, что *было бы* для него недостоверно...» [Там же: 49]. В книге «Опыт философии теории вероятностей» он с самого начала подчёркивал, что, только если допустить абсолютного наблюдателя, Ум, знание будет детерминированным, а не вероятностным. Но в этом Лаплас не нуждался.

По мнению АП, Лаплас разворачивал принцип «обращённой вероятности», предполагающей «отношение числа благоприятных случаев к числу всех возможных случаев», что и «позволяет определить степень достоверности». При этом «случайность, — как пишет АП, — позволяет определить степень достоверности, удачно восполняя неуверенность и недостаток наших знаний. А вероятность выражается дробью, в числителе которой — число благоприятных случаев, а в знаменателе — число возможных случаев» [Огурцов 2011: 246]. Последние слова АП напишет много позже, но рождалась эта мысль во время написания «Философии науки в эпоху Просвещения». Человеческое знание вероятно, поскольку возможности человека ограничены временем его жизни. Возникновение теории вероятностей (Паскаль, Лаплас и др.) привело к иной трактовке знания: его регулятивной идеей стала не идея истины, а идея правдоподобности.

Прочитав статью АП «Венский кружок и переход от физикализма к пробабилизму»¹⁷, я показала ему фрагмент из «Комментария к Порфирию» Боэция, где тот говорит о вероятностном, или правдоподобном характере знания. Он очень обрадовался и включил ссылку на Боэция в параграф «Исчисление вероятностей и способы его обоснования в Новое время» книги «Философия науки: двадцатый век», вышедшей в 2011 г. к его 75-летию. В идее пробабилизма он видел критерий выбора, связанного с обсуждением проблемы, а не с постулатами воли.

Эта идея, как считал АП, усиливалась с каждым новым шагом научных исканий. При этом одни считают, что теория вероятности — это область математики (А.Н. Колмогоров). Другие, что это область естествознания (Р. фон Мизес). Но для него было «существенно то, что вместе с теорией вероятности (независимо от того, как её понимать — то ли как математическую теорию, то ли как область естествознания) существует и её *философское* осмысление», ибо чисто математические объяснения не в состоянии включить в себя ряд разделов математики, в том числе *теорию* вероятности¹⁸.

Он показывает, как менялось отношение к достоверности у Д'Аламбера. В развитии науки тот видел, «во-первых, прогресс, во-вторых, прогресс, направленный к выдвигению математически очевидных или достоверных гипотез, в-третьих, сопоставление выводов из

¹⁷ См.: Vox. Философский журнал. — 2009. — № 6 — vox-journal.org. Последнее посещение 18.03.2016 г.

¹⁸ См. подробнее: Резник 2010: 417.

них с экспериментальными результатами и изложение исходных гипотез, если фиксируется несоответствие между ними» [Огурцов 1993: 129]. Здесь-то между достоверной гипотезой и экспериментальными данными и гнездились потерянные побуждения, делавшие теорию вероятностной. АП отмечает теоретическое метание Д'Аламбера: решительный противник спекулятивных гипотез, он в результате склонился к различию между этими гипотезами и гипотезами достоверными.

Позже АП определял пробабиллизм как миропонимание, которое предполагает «1) отказ от критерия истинности знания как абсолютистского и теологического, 2) выдвижение критерия правдоподобности знания, 3) выявление степеней вероятности знания, 4) что находит своё выражение в принципах построения статистической физики, теории эволюции, в экономической теории предельной полезности, ставшей основой политической философии либерализма»¹⁹. В книге «Философия науки: двадцатый век» он насчитывает уже девять принципов пробабилистской науки: «1) гипотетический характер знания, 2) критерием научного знания является правдоподобность, а не истина, 3) трактовка каузации как идеализации вероятностных процессов, 4) фаллибилизм как фундаментальная характеристика научного знания, т. е. подверженность научного знания ошибкам, погрешностям в отличие от инфаллибилизма религии и любых идеологий, 5) вероятностный характер теорий и оценка степени их вероятности, 6) поворот к индуктивной, а не к аксиоматико-дедуктивной логике, 7) достоверное знание как трансцендентальный идеал научного знания, 8) опровержение как процедура обоснования и оправдания теорий, 9) связь логики эмпирических наук с процедурами измерений и с теорией ошибок» [Огурцов 2011: 262]. Он полагал, что на принципах индивидуализма, выбора субъекта действия, роли субъекта в ситуации неопределённости, критического отношения к надындивидуальным структурам, динамическим естественным законам базировалась теория предельной полезности, а также австрийская школа экономической теории и политической философии²⁰.

Но сама эта мысль непременно должна была завершиться выдвижением *историчности* бытия, и это, как подчёркивает АП, сделала именно эпоха Просвещения, которая представила *исторический* подход к природе и к естественной истории. Истории эти имеют разные периодизации, т. е. перед нами фактически параллельные истории. Не трактовки исторических событий, а сами истории, поскольку их хронологии разные. Человек учёный, *homo sciens*, поставлен на перекрёстке расщепляющихся миров. И прежде всего это выразилось в переориентации биографического исследования. Если Плутарх делал «Сравнительные жизнеописания», а Светоний описывал «Жизнь двенадцати Цезарей», то отныне начинают создавать биографии учёных. И это связано не только с задачами общего образования (век-то просвещения), а со стремлением понять науку как результат их деятельности, с задачей по выявлению условий, в которых развивался талант, философски-методологическим осмыслением «средств, процедур и приёмов научного исследования». Не властитель государства становился образцом для подражания, даже не просто знаток, а исследователь, вооруженный специальными приемами исследования. Философия при этом, и он обратил на это специальное внимание, в эпоху Просвещения стала пониматься столь широко (как путь к свободе), что, помимо философии теории вероятностей (Лаплас) создавались философии зоологии (Ж.Б. Ламарк) или, например, анатомии (Э. Жоффруа-Сент-Илер) [Огурцов 1993: 30].

В этом сборнике есть статья А.В. Рубцова «Прощание с модерном», где о постмодерне поставлен вопрос: зачем нам это? Так и про *Les Temps modernes*, Новое время, можно спросить так же.

¹⁹ Vox-journal.org 2009. № 6.

²⁰ См.: Vox-journal.org 2009. № 6.

Это время бунта. Против монархии. Против твёрдо установленных, якобы истинных правил. Против однонаправленного хода истории. Против систем. Удивительно: системы только-только создавались, а уже против них восстали французы-философы. Д'Аламбер выступал, например, против «духа систем», считая, что нужно заботиться об эмпирической теории познания, о поддержке гениальных учёных, независимо от того, в какой стране он живёт. Так, он с удивлением заметил, что и тридцати лет не прошло, как Франция начала отказываться от картезианства в пользу идей И. Ньютона. Считая, что на развитие науки большое влияние оказывают различные формы правления, которые (обратим на это внимание) определяют виды знаний (о чём наша нынешняя боль и забота), Д'Аламбер делает такое социологическое наблюдение: в республике преобладают риторы и философы, а в монархии — поэты, богословы и геометры [Там же: 125]. Если взять эти критерии, то по количеству богословов у нас сейчас действительно монархия, а если принять во внимание, например, рассуждения некоторых наших выпускников философских факультетов об отсутствии у нас философов, то и по этому основанию мы не республика, а всего лишь суверенная демократия. Вот с этим и разобрался Огурцов.

Для него «речь не идёт о какой-либо философской системе. Думаю, что время систем прошло». Нужно, однако, понять опоры миропонимания, которые позволили бы, например, «объединить статьи на разные, казалось бы, несовместимые темы». Речь идёт о «глубинных структурах», которые обнаруживаются в актах мысли, в моём поведении, в моих поступках». Это он отвечает в интервью, которое я у него брала в его семидесятилетие, на вопрос, в чём состоит *его* философия. Оно опубликовано в 2007 г. в ему посвящённом ифрановском сборнике «Методология науки: исследовательские программы». В этом интервью он формулирует «*фундаментальные принципы сознания и действия*».

«Исходный принцип — поступок. Поступок всегда индивидуален. Он выходит за границы общепризнанного и традиционного <...> мысль — тоже поступок. Мысль — не просто акт интеллекта. Как поступок, она включает в себя и волю, и воображение, и эмоции <...> это обнаружение всех способностей индивида <...> любой поступок предполагает самопознание, самосознание, осознание себя-в-мире, своего несовершенства, своей ограниченности и своих возможностей <...> без самосознания поступок — это спонтанная акция и ничего больше. Аффективные, исступлённые действия — это акции, но ещё не поступок. Это подступ к поступку. Самосознание — условие поступка, его возможность, но не его актуальность <...> начинать философию надо с индивидуального поступка <...>

Следующий принцип — „вызов-ответ“. „Ответ“ — это всегда ответственность <...> ответственность — это не просто свобода выбора того или иного решения. Ответственность предполагает свободу, основанную на расчёте и калькуляции интеллектуальных и материальных ресурсов, анализе возможных результатов и следствий, на соотношении цели и используемых средств и т. д. Философская проблема свободы состоит не в поиске такой виртуальной сферы, где человек не свободен — будь то свобода выбора, виртуальной жизни и пр. Сложность состоит в том, как в не-свободных условиях жизни достигается что-то новое, постигаются новые смыслы и проектируются новые решения. Загадка в том, как в не-свободе (имеется в виду социально-политическая жизнь. — С.Н.), из которой человек не может „выпрыгнуть“, достигнуть то, что на философском языке называется свобода. Я называю по-другому: оригинальным решением, новацией, смелой, нетривиальной мыслью <...>» [Моя позиция... 2007: 20–22].

Размышляя о направленном на Другого ответе АП поясняет, что Другой — это не просто другой человек, но и группы людей, т. е. в ответе предполагается интересубъективность «моего» решения, которое до тех пор, пока не находит отклик в микросообществе, является индивидуальным делом. В этом очевидное сходство мысли АП с мыслью Д'Аламбера. Он

лишь предельно доводит эту позицию до отрицания противоположности истинного знания и правдоподобного мнения-доксы. В таком противопоставлении АП видел ошибку Сократа, ибо знание, как любое убеждение, тоже правдоподобно, тем более, что истину АП считал религиозной категорией. Именно признание/непризнание является критерием отличия индивидуального акта от личностного поступка, который есть проявление интересубъективности.

Это рождает третий принцип, выведенный из идеи коммуникации и названный АП социальной онтологией. В её основании лежит сложнейшая проблема. АП называет её «загадкой», которую надо отгадывать. Она состоит в следующем: если «интерсубъективность — это процедурное единство» признанных в обществе концептов, понятий, методов, обладающих в силу их признанности статусом принудительности, то статус их существования неясен: «как из фикций, из кентавров, созданных фантазией, мыслью, они становятся чем-то объективным» [Там же: 23]? Первым свидетельством их «овеществления» является язык, в котором субстантивируются прилагательные, о которых упоминает АП, но, добавим, Августин в диалоге «Об учителе» говорит о других частях речи, которым тоже приписывается статус существования. Возникает парадокс, который АП назвал парадоксом соприсутствия и который в Средние века назывался *communicatio idiomatum*, связанный со странным соединением двух разных природ в одном. Некая единичность уже несёт в себе свой собственный вид (тип). Но отсюда и онтология уже не может рассматриваться просто как учение о бытии или как метафизика сущего. Она «по сути дела является матрицей сложившихся форм объективированного сознания» [Там же: 24]. Понятие «матрицы объективированного сознания» — ещё одно понятие, принадлежащее АП, свидетельствующее о том, с чего начата эта статья: о том, как уходят в забвение содержания вещей, имена которых мы начинаем переводить на основе новых, им не принадлежащих содержаний, искривляя историю, делая её случайной. Потому важное значение имеет дискурс-анализ, которым занимался последнее время АП, а методология озадачилась процедурностью мысли, отвечающей на вопрос «как?», который естественно заряжен и предметностью «что?».

Идеологи Просвещения, поставив проблему соотношения «естественного» и «цивилизованного», видели решение в том, чтобы естественный человек в цивилизованном обществе стал одновременно цивилизованным, что возможно только в «царстве разума». Поскольку просветители исследовали данные этнографии, то они заинтересовались феноменом Робинзона, дав этому факту «своеобразное истолкование»: они допустили в свой мир «себялюбивого автономного индивида», у которого за плечами огромный груз цивилизации, вырвав его из общества, чтобы из его эмоций и знания-умения вывести новые формы общества [Огурцов 1993: 7]. Старые формы относились за счёт заблуждений и предрассудков, в том числе религиозных, а новый человек, изображаемый как бургер, должен появиться вследствие воспитания и создания новых социальных условий. Бургер, т. е. горожанин, должен быть активным гражданином, борцом за гражданские свободы. Но хотя эпоха Просвещения представила исторический подход к природе, она *странно* исторична. Старая история должна быть отброшена вместе с провиденциализмом (сразу вспоминается Марксово отношение ко всей докоммунистической истории как к предыстории человечества). Но при этом, несмотря на объявленный бой религии, философия истории Просвещения телеологична, а это значит, что, выгоняя религию в дверь, её впускали в окно. Она одновременно антиисторична.

Впрочем, это естественно: как только появляется некое положительное, катафатическое утверждение, тут же появляется апофатическое. И религия эта была своеобразной, ибо она выдвинула парадоксальный лозунг *веры* в Разум без Бога (Бога заменила Природа, и она, как и Разум, была вынесена за границы исторического сознания. Это при том, что основателем науки (физики, математики, астрономии) считали библейского Адама. (Парадокса ради, ска-

жу, что некоторые методы доказательства изначальной научности просветители заимствовали из эпохи отвергаемых ими средних веков. Так М. Дутенс считал (1776 г.), что современные ему новаторы ограбили древних, сделавших научные открытия в далёком прошлом [Там же: 11]. А в средние века полагали, что из путешествия по Египту Платон вывез мудрость Моисея). В рассказе об этом опять же чувствуется методологический рисунок ломаной линии развития науки и мышления в целом.

Декарт отверг старую — схоластическую — философию, разработав новые принципы мышления. Философы Просвещения начали проводить их в жизнь, одновременно эти принципы меняя, при помощи бесконечных проверок, споров, составления номенклатур, таблиц, задающих сеть отношений.

Таблица — гвоздь этой философии, опустившаяся в наши дни на уровень обыденности: мы составляем таблицу при представлении рабочего отчёта за определённое время. Может быть, сермяжная правда этих ненавистных нам таблиц в будущем позволит исследователям (если таковые останутся) выявить синхронность и диахронность отношений между самыми разными вещами, в том числе между элементами собственного организма. Скажем, в кардиологии при проведении холтеровской мониторинга человек должен в соответствующей таблице записать свои действия (хождение, нагрузка, сидение, лежание) для синхронизации этих действий с данными монитора. Таблицы способствуют и ещё одному делу: выявлению повторов не только в мысли своих современников, но своих потомков.

Когда в свое время я писала о принципах К.С. Малевича, с помощью которых он описывал изменения в жизни XX в., в том числе изменения в искусстве (футуризм, кубизм, сюрреализм), он ставил их в зависимость от по-новому определённых и задействованных массы, скорости и направления движения. Каково же было моё удивление, когда я, перечитывая книгу АП «Философия эпохи Просвещения» при подготовке этой статьи, обнаружила, что эти принципы (масса, скорость и направление движения — в такой именно последовательности) были выдвинуты Г. Монжом (1746–1850) как «силы природы, имеющиеся в распоряжении человека» [Там же: 46]. Сила тавтологии такова, что требует признания того, как философия с помощью тавтологий обнаруживает свои болевые точки.

Создание таблиц (АП показывает генезис этого метода, с тех пор упроченного новыми технологиями) вело к перестройке языка: он стал «средством обозначения и указания места того или иного эмпирического объекта в таблице. Трансцендентализм и имманентизм безвыходно столкнулись в этой философии. Трансцендентный выход найдут во второй половине XVIII–XIX вв., акцент на имманентности поставят в XX-м. Будучи в значительной степени наследниками эпохи Просвещения (попробуй, например, в диссертации обойтись без упоминания сравнительно-исторического метода исследования!), мы эту эпоху — с её не столько обращением к онтологии, сколько к гносеологии — обходим, тем не менее, стороной, даже говоря о дискурсивности, о языковых разрывах, позволяющих комбинировать разные элементы знания. Между тем, она фиксировала как разрывы языка, ускользая от логоцентризма, так и их преодоление за счёт «хорошего конструирования языка». Язык рассматривали — на манер механики — как конвенциональную *искусственную* знаковую систему, т. е. как *signum falsum*. Именно язык, а не речь оказался способным «преодолеть разрыв времён» и — вызвал в XX в. к жизни философию языка в широком смысле слова (языкоречия). Так — конструктивно-механически понятый язык есть модель квазивремени и квазиистории, сосуществующая с представлением о единственном замысле словесно заданной истории природы, направленной «к осуществлению совершенной формы — человеческого существа»: «камень, дуб, лошадь, обезьяна, человек — это постепенные и последовательные вариации прототипа» [Там же: 29–30].

АП цитирует Ж.Б. Робине. Но опять-таки интересно провести сравнение. Аврелий Августин в трактате «О диалектике», со ссылки на которую началась моя вводная статья, различает по разным категориям речь, направленную от мысли говорящего к слушающему, и речь, направленную слушателем в мысль слушающего, для выражения которых в латинском языке используются разные слова (*loquor* для первой и *disco* для второй). Это значит, что и направления «от... к» разные, и выражают они разное, но их задача — одна: соединить времена. Однако понимание времени в эпоху Просвещения было не объективной характеристикой бытия и не релевантным существованию мира. Оно было амбивалентным в другом смысле: с одной стороны, это было квазивремя сконструированного мира, а с другой — оно было личным временем переживания и свидетельством шаткости человеческой жизни. Работает доказательство Декарта о том, что именно время является свидетельством существования Бога, поскольку, если время завершается каждую секунду, а человек остаётся живым, значит, кто-то его сохраняет, и этот кто-то — Бог.

У критиков религии этот принцип обернулся другим: если время лично переживаемо, значит, «всякая минута, которую в *свою* пользу употребить, не вечно для тебя пропало. Чувствуй свое бытие». Или: «Считай мгновения: каждое приходило к тебе, способно поместить доброе дело» [Там же: 16]²¹. Но если проблематизировать мысль АП, то это значит, что мир, конструируемый человеком с помощью языка, структура которого совпадает, как полагали просветители, с размышлением о мире, уже тем самым является очевидным и достоверным. В связи с этим и идея прогресса, выдвинутая просветителями, тоже должна рассматриваться не в смысле совершенствования мира. Она, как они и объясняли, может пониматься как «движение природы по ряду бесконечных вариаций» [Там же: 30], как возможность рассмотрения «исторического потока событий с определённых теоретических позиций» [Там же: 31] и как «наличие силы, развёртывающей элемент за элементом» [Там же: 29].

Но не значит ли это, что время могло быть определено как сила? Не как необходимый элемент силы-энергии, а как сама энергия? Можно ли прочитать выражение Ф. Бэкона «знание — сила» как «знание — дело времени»? При принятии идеи прогресса это не худшее понимание. Появление фактически новой дисциплины — истории науки — понималось как попытка представить широту охвата знанием (с его ошибками и достижением), информирования людей о распространении наук и искусств. Это свидетельствовало об изменении качества человеческого рода, о переопределении человека, который становится человеком образованным, создающим свой собственный образ, упражняющим и критикующим свои способности, просвечивающим себя разумом как рентгеном.

Есть и ещё одно соображение. К XVIII в. веток, отходящих от древесного ствола под названием «физика», предложенного Декартом, значительно прибавилось. Мощный ствол физики породил огромное количество наук, которые не были «в работе» в прежние далёкие и не очень времена. Открытия, происходившие в этих науках, были поистине удивительными, и эти открытия продолжались вплоть до XX в. Пик открытий пришёлся на 196–1970-е гг., когда в ходу было удивление ими, выраженное в стихотворении Б.А. Слуцкого: «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне» (это время, кстати, сопровождалось мощным поэтическим взрывом). Потом количественное увеличение открытий прекратилось. Появилось то, что связано с технологиями и междисциплинарностью. Именно в этот момент перестала «работать» и идея прогресса, и закончилось отношение к науке как к безличной структуре, основанной на эксперименте и однозначности. Думаю, что термин «прогресс» связан именно с успехами естествознания вполне определённого периода, когда возник интерес к наблюдениям за «про-

²¹ АП процитировал выдержки из письма М.Н. Муравьева (1778 г.) сестре и из его статьи «Дщицы для записывания», опубликованной в журнале «Утренний свет».

грессией, интервалы в которой, — как говорил Бернар Ле Бовье Фонтенель, — сначала крайне велики, а затем, естественно, всё более и более уменьшаются» [Там же: 73].

Нельзя сказать, что и раньше не замечали таких интервалов. Боэций говорил, что нет такого малого расстояния между точками, куда нельзя было бы вставить ещё одну, Николай Кузанский писал о бесконечно великом и бесконечно малом, но их интересовала Божественная способность сворачиваться и разворачиваться. Здесь же всё происходило при естественном свете человеческого разума, за которым можно было наблюдать и с помощью которого можно было ставить эксперименты. Интерес представлял сам «путь, по которому шел человеческий разум», а «это удовольствие требует большого образования», — писал всё в той же «Истории Академии наук» Фонтенель [Там же]. И АП оказался податлив этой радости, сумев её передать, как податлив оказался радости рассказывать о мастерах прошлого, идеи которых отклонялись от обычного пути, они из самих себя создавали нечто. Он почувствовал вкус эпохи Просвещения, которая была эпохой не только Разума, но и Вкуса. Античность — зрение (умозрение), Средневековье — слух, Просвещение — вкус, Постмодернизм — осязание. Дальше, наверное, будет обоняние. Вот, оказывается, можно продумать и ещё один момент «конца человека» — конец исследований его чувственно-ментальной природы... Вкус, однако, опять же с горчинкой нашей горячащейся современности. Некоторые сейчас считают чем-то незначимым накопление знаний, выпячивая не по делу лозунг «многознание уму не научает», вызывающий растерянный смех в ситуации абсолютного незнания, бравирования этим незнанием, граничащим с желанием учиться. Впрочем, если кто-то при таком многознании научится не быть хамом, то многознание полезно.

Просвещение и учило этой полезности, которая была своего рода гносеологическим критерием, но которую (полезность) считали всё же вторым понятием после математической достоверности. Полезность же, значение которой не меньше у Августина, который считал её критерием значимости вещи *вместе* с любовью и наслаждением, действительно определяла ценность знания, не сводимую к сиюминутной пользе: она показывает путь не только нашего просвещения, но и играет роль транслятора знания, способа, каким происходит передача знания.

Эпоха Просвещения выполняет и ещё одну задачу философии — научения. Часто, говоря о том, что философии нельзя научить, пренебрегают этим свойством. Нельзя научить, однако, *философствовать*, но то, что философия уже представляет собой коллекцию топорщащихся мыслей, требующих соучастия, это факт. Интерес к Хайдеггеру с его «Что зовётся мышлением?» свидетельствует об этом.

АП никогда этого не забывал, его мучило от заявлений о конце философии, о пренебрежении к нашему философствованию, где немаловажен сам интерес, то, что он называл «оптимистическим идеализмом». Сам он, бросаясь в гущу спора, всегда находил себя в ситуации начала. Но напоминал и слова Д'Аламбера, что «философия, *стараясь нравиться*, кажется забыла, что она, главным образом, призвана поучать» [Там же: 124] (оставим на совести переводчика это «поучать» — учить, конечно же, в самом наисерьезнейшем значении этого слова, когда любое наше говорение делается именно с этим желанием (см.: Августин. Об учителе). Смысл так понятой философии, т. е. философии, разбухающее тело которой требует определений предметных границ, выражен в энциклопедии, которая служит не только «своего рода картой земных полушарий» [Там же: 121], но где все знания — современные, работают вместе, и только исторический анализ предполагает осознание их процессуальности. Сама идея энциклопедии воплощает ту идею квазиодновременности, о которой говорилось выше.

На что обращается внимание? На то, что человек непоправимо двусмыслен (одновременность и процессуальность), независимо от того способа, каким можно эту двусмыслен-

ность, или его двуголосие, объяснить — Богом ли, Разумом ли, Природой... В этой двойственности — залог его постоянного желания выйти из себя, добраться до определённости, о которой с внутренней тоской думают, что её нет, но всё же, всё же, всё же... О чем свидетельствует наше изменённое время: в силу ряда обстоятельств, вызванных нашим общежитием, нашей коммуникативной системой, наших политико-экономических изменений и нашим отращиванием к этим обстоятельствам

Фонтенель, Тюрго, Руссо, Вольтер, Дидро и Д'Аламбер, Кондорсэ и другие — герои его небольшой, но насыщенной, плотной книги «Философия эпохи Просвещения», проникнутой знанием трагического финала, когда Разум оказался под гильотиной. Длинный список казнённых, арестованных или эмигрировавших учёных нельзя читать без содрогания и парадоксального ужаса: вся эта «аристократия учёных», создавшая огромное количество журналов, огромное количество научных учреждений — Академию наук, королевский коллеж, школу военных инженеров в Мезьере, Парижскую обсерваторию и Королевский ботанический сад, направленная «и на прогресс техники, и на создание разумного политического устройства, и на совершенствование морали и нравственности», вызвала против себя «плебейскую ярость». Её, эту аристократию учёных, считали вредоносным наростом на теле общества, их исследования «казались бесполезными причудами изошрённого труда интеллектуалов» [Там же: 182].

Я не пишу здесь о других методологических ориентациях в философии истории Просвещения — об ориентации на эмпирические знания и ориентации на математическое естествознание и о многом другом. Я просто показываю метод *личного* конструирования истории и переживания, возможность их со-в-местности, о чем впоследствии АП скажет в своем кредо, в интервью «Моя позиция» (см. выше).

АП писал эту книгу в отчаянной самоотрешённости 1990-х годов, когда мы как-то опять защищали от нападков Институт философии, и он считал, что эти нападки — разлом в понимании, что сейчас возникает новое видение, обозначается место философии, которое, однако, прежде чем наполнится философией, может заполниться кровью, если не живой, под гильотиной, то душевной, оскорбленной увольнениями, очернениями, пренебрежением. Геракл приподнял окровавленного Антея и показал его миру, но всё повторилось заново меньше, чем за год до его смерти.

Болевые точки

Каждый этап жизни АП оканчивался серьёзной болезнью. После первого заболело сердце. Он не раз попадал в больницы. После второго — инфаркт, несколько операций на сердце в 1999 г. Миллениум — время во всех отношениях переломное. Много тогда ходило о нём разговоров: каким-то он станет после длительных наркозов? Но он стал словно новорожденный, мгновенно откликнувшись на мою просьбу, вызванную желанием вывести его из послеоперационного затишья (это видно, если взглянуть на библиографию), — вместе написать книгу «Время культуры».

Это третий этап его жизни. С этого момента мы работали вместе, написав пять книг и несколько статей. К ним прибавился его трёхтомник, «Образы образования», написанные с В.В. Платоновым, и статья «Поражение философии» — он вновь вернулся к тому, с чего начинал, с поисков шансов философии на жизнь. Напоследок его диагноз был жестоким — поражение.

В интервью журналу «Личность. Культура. Общество» в 2005, а затем в 2009 г. уже звучат апокалиптические мотивы. Определяя философию как «сопереживающее понимание себя, другого, мира» и «способом рационализации пока неподвластных науке проблем» [Рез-

ник 2005: 329], считая, что «философия имеет дело со всеми формами дискурсивных практик» [Там же: 328], АП констатировал, что планка отечественной философии снижается. Одним из факторов снижения является то, что некоторые философы относят себя и других вместе с собой к философоведам. Это не его термин, он ему не нравился, считая «экстравагантным термином». Он замещает его термином «специалист по философии», разъясняя разницу между таким специалистом и философом. Специалист, он считал, «знает тезаурус философии, но не видит её проблем. Философ может и не знать современного ему философского языка, создавать свой самобытный язык, но он в состоянии усмотреть проблему там, где специалист по философии ничего не увидит» [Там же: 333]. Заметив, что они решили в своё время с Э.Г. Юдиным поднять планку философских исследований и осуществить это в «Философской энциклопедии», где в то время работали, АП констатирует неумолимо: «Боюсь, что эту планку уже не удержать, она пошла вниз. И я могу сказать, почему. Один из индикаторов этого падения планки — повальное увлечение постмодернизмом — одной из версий критики рационализма... основной мотив постмодернизма — противостоять рационализму, который назван логоцентризмом» [Резник 2010: 434–435].

Оставаясь в рамках высокого рационализма, АП совершил в этот последний период то, что называется перекапыванием своей философии.

«Понимаю, что где-то поблизости смерть». В понимании этого он переворачивал глыбы: теория культуры, универсалии, анализ вещи, политические концепты, онтологически понятый процесс. Во время одной из операций в 2011 г. ему повредили связки, и он почти потерял голос.

Этот период определён его жёстко концептуалистской философией, и он отдавал отчёт самому себе. Свой философский стиль он сам определил как «аналитико-дискурсивный, т. е. ориентированный на целостное постижение рассуждения, которое вместе с тем не может быть достигнуто вне аналитичности».

«Время культуры» — это, как мы считали, эпилог философской теории культуры. Мы пытались дать анамнез этого времени и повели рассказ в разных определениях, данными разными философами.

Книга быстро разошлась. Кто-то даже посетовал на малый тираж. Но она оказалась не понятой. Многие увидели в ней некую историю культуры, перечень определений, и не случайно через некоторое время нам заказали на её основании сделать учебник «История культурологии». Основанием книги послужили две мои работы: о Мандельштаме, которую мы включили в книгу в качестве второго предисловия, и о культуре как современном гностицизме [Неретина 2001]. Но её смысл был в очерчивании границ самой теории. Когда я сказала об этом одному из ведущих культурологов, он попросил показать страницы, где это было написано, и опешил, увидев и прочитав их. В сказанном не было обнаружено не только несказанное, но и сказанное. То же обнаружилось в «Реабилитации вещи»: некий наш оппонент нашёл там даже то, на что мы возражали. Я думаю, что дело не в неведении и не в необходимости знать неведомое, а в том, что человека понуждает знать само это неведомое нам знание, допускать его, возбуждая способность к познанию, нам уже данную (это входит в понятие «человек»). Вопрос в опознании того, кем-чем нам эта способность дана. В «Реабилитации вещи» (как, впрочем, и в «Путях к универсалиям») мы и пытались опознать эту способность к познанию, заданную вестью вещавшей вещи.

Метод АП понимал как путь (что и значит слово «метод»), по которому общее переходит во что-то конкретное и одно. Это конкретное помогает найти и путь в чистую мысль. В переходе «от методологии к онтологии» (таково название сборника, вышедшего в ИФ РАН) намечены пути выхода и в познание бытия, и в само онтическое как такое последнее (или первое — в данном случае это одно и то же), в оспаривании которого может начаться война и

не обязательно только словесная. Для АП общая вещь всегда даётся через вещь-знак, вокруг которой идёт спор, что же это такое — ведь знак меняет значения. Что заставляет менять их? Что заставляет принимать их за таковые или — за метафоры, за части или целое, иронически опровергать и буквально принимать. Это непременно ведёт к вопросу, что такое сама философия, а если твоя жизнь — это философствование, то приобретение ли это или поражение. Какие признаки поражения? АП перечисляет четыре главных: 1. «*Инфицирование философии богословием*». «Первое поражение философии как рефлексивной и рациональной мысли состоит не только во всё большем движении к теократии, но и в утверждении в общественном сознании предпосылок и догматов религиозной веры». 2. «*Поворот научной мысли к религиозным интерпретациям своих открытий и изобретений*». 3. «*Исчезновение целого ряда категорий и универсалий прежней философии*», таких, например, как «внутренний мир», «идеальное», «душа», «дух», «идеал». «Это, — как он пишет, — стало уже заметным для современных писателей, например, для Людмилы Улицкой, но не для философов» 4. «*Банализация... категориальных и методологических ресурсов философии*» [Огурцов 2013].

Для АП это были не пустые слова. Он не был согласен с Бибихиным, говорившим о деле философии. Он считал, что «философию не делают. Делают табуретки. А занятие философией напоминает скорее работу ткача, о чем писали и Платон, и Гегель. К глубокому прискорбию, нередко нити рвутся, и распадается связь времён» [Огурцов 2014: 993]. Когда АП перечислял огромное количество современных трендов, он этот перечень, разумеется, пропускал через себя. Он считал, что философия по сути одна, не прошлая или современная, и эта одна философия, которую он называл «новой старой», являет себя через разные концепты: социологические, когда философская мысль связывалась с теми или иными социальными или религиозными группами, через движение альтернативных тем или решение вечных проблем, через смену и противоборство различных направлений, связи с развитием естествознания и математики, с развитием искусства и искусствознания и т. д. Наши книги он считал именно альтернативной историей философии. Мы старались показать прошедшие мимо внимания других философов проблемы, например, проблемы образования универсалий, способов их достижения и существования или проблему вещи через метаморфозы самого этого понятия, формирующего реальность, разные способы разумения, если помнить, что слово *ratio* — однокоренное со словом *res* — вещь-дело и его понимали как изречение вещей, порождающее и разные формы властвования, а не только отношения к вещи как к потребительской ценности и как к объективации человеческого труда. Более того, мы показывали, что и логики, и философы нынче вновь поворачиваются лицом к универсалиям в концептуалистском варианте. И это стало особенно заметно после накала постмодернистского проекта анонимности, разрывов, разнородных симуляций — от выборов до массовых инициатив, в том числе — военных, в итоге вновь приводящих к имперским и тоталитарным проектам, в попытках примкнуть к полноте рода через неведомо какую традицию, в отличие от прежних не обеспеченных ни «картиной мира», ни экономикой, ни политикой. Потому проект универсалий начинает заново прорабатываться на личностном уровне, где каждый должен взять ответственность на себя.

Но потому же для АП важно было дотошно исследовать каждую позицию, каждый срез мысли, восстанавливать имена и приоритеты. Его рассказ об Отто Нейрате в трёхтомнике, где он показывает его выдающуюся роль в создании и деятельности Венского кружка, вызывает (во всяком случае — у меня, поскольку я была редактором этой книги) почтение, сопровождаемое молчаливым желанием не спугнуть это правдивое ведение мысли, осторожно восстанавливающей разрушенную картину. АП подробно описывает возникшую полемику между Нейратом и Поппером, которая касалась оценки последним протокольных предложений как смещения психологизма и физикализма, с чем не был согласен Нейрат. Полемика ка-

салась и проблемы индукции, исходные основания которой кардинально различались у обоих оппонентов (Нейрат основывал индукцию на методологическом решении, в то время как выводы связывались с логической дедукцией, взгляды же Поппера были контриндуктивистскими), и Попперовой идеи фаллибилизма. Нейрат считал её оплотом псевдорациональности, подчёркивая, что «принцип фальсификации не может быть парадигмой всех реальных (эмпирических) наук», поскольку «„логическая абсолютизация“ метода фальсификации противоречит плюрализму эмпирических наук». К тому же существует «методологическая асимметрия между процедурами подтверждения <...> и процедурами фальсификации», что связано «с асимметрией *modus ponens* и *modus tollens*» [Огурцов 2011: 145]. Полемика была основательной, но когда в 1960-е годы она разгорелась вновь и по тем же вопросам, имя Нейрата «вообще не упоминалось, а его наследие покрылось „травой забвения“» [Там же].

И, казалось бы, к этому были основания: он учился на факультете политэкономии и статистики, преподавал в торговом колледже, был директором музея экономики в Лейпциге да ещё членом Социал-демократической партии Германии, сидел в тюрьме после падения Баварской республики, а позже стал директором музея жилья и городского планирования, будет заниматься графическим дизайном во время второй мировой войны. Был политэмигрантом, бежал в Англию в открытой лодке. То, что в тюрьме он написал работу «Анти-Шпенглер» с критикой «Заката Европы» О. Шпенглера, что был основным автором Манифеста Венского кружка и душой Движения за единство науки и «Международной энциклопедии унифицированной науки», было словно забыто. Жаль, что об этих фактах его биографии не сообщает АП, который пишет, однако, нечто более существенное, поскольку его интересовал внутренний логический стержень критического ума Нейрата: в «критической заметке о „Логике исследования“ Поппера подметил действительные изъяны методологии фальсификационизма. Своей критикой „метафизических иллюзий“ Поппера, прагматических ориентаций в логике исследования, своим поворотом к историческим и социологическим аспектам применения научного знания, к практике научных исследований Нейрат во многом предвосхитил ту критику неопозитивизма, которая развернулась в 60-е годы прошлого века» [Там же].

Восстановив «историческую справедливость» относительно Нейрата, АП восстанавливал движение мысли, более тонкое и точное, чем оно было к моменту пропажи из научного знания некоего индивида, ибо в этом случае в человеческую историю вошло не только «предвосхищение критики неопозитивизма в 60-е годы прошлого века» (бог бы с ним), но произошёл, как говорит АП, «поворот» к чему-то иному, не названному критикой: «к историческим и социологическим аспектам применения научного знания, к практике научных исследований». И это введение поворота захватывает больше, чем прямая линия строго логических рассуждений. Поворот напоминает об античном стадионе, где спортсмены двигались не по кругу, а по прямой, в конце разворачиваясь на 180°. «Драма личной судьбы Нейрата-политэмигранта» вместе с «его инновационными идеями, затерянными в архиве истории» [Там же], но поднятыми на поверхность внимательным и сторожким философским взглядом АП, стала исполненной совестью полноты и таинственного смысла (научной) жизни. АП вытащил имя Нейрата из забвения, спасая его от мелочного беспомыслия.

Собственно, в философии АП занимался именно этим: воссоздавал полноту вопрошания в поворотах (соответственно — вариативности, правдоподобности, вероятности) мысли, в которой мысль работает как нельзя более строго. Но подвигает человека на спор с самим собой, с необъятностью разбросанных фактов то, что недоказуемо в знании и в философии. Что с ним делать? Показать. Когда Бозций пытался помыслить, что такое две природы Христа — единые и неслиянные, он, логик, не задумываясь, прибег к показу на пальцах. Посмотрите, говорит, на венец: его образуют драгоценный металл и драгоценные камни, только

если они собраны вместе в одном направляющем движении; но существуя отдельно, венца они не образуют.

Когда я дописывала последние страницы «Онтологии процесса», я вела почти дневниковую запись последних дней АП. Он сам осознавал это: последними словами в записной книжке были слова Маркеса «потому что дряхлое время вечности остановилось, наконец». Я специально записала в книге, что именно он читал, что хотел прочитать, какие вопросы задавал себе и нам, потому что в этот момент осуществлялась та самая процессуальная онтология, создаваемая им в его личное время. Это было её явление.

Андреев И.Д. 1965. *Ленин об элементах диалектики*. — М.: Институт философии (Академия наук СССР).

Арендт Х. 2000. *Vita active, или о деятельной жизни*. — СПб.: Алетейа.

Бибихин В.В. 1999. *Для служебного пользования*. — Доступно: http://rumagic.com/rumagic/sci_philosophy/bibihin/2/j26.html. — Дата обращения: 16.03.2016.

Блауштайн Л. 2015. Эдмунд Гуссерль и его феноменология. — *Львовско-Варшавская школа. Антология*. — М.: Голос.

Зоркая Н.М. 2011. *Как я стала киноведом. Биографическая проза*. — М.: Аграф.

Методология науки... 2007. *Методология науки: исследовательские программы. К 70-летию со дня рождения Александра Павловича Огурцова*. — М.: Институт философии РАН.

Моя позиция... 2007. *Моя позиция. Интервью с А.П. Огурцовым*. — *Методология науки: исследовательские программы*. — М.: Институт философии РАН.

Мусто М. 2013. Ещё раз о Марксовой концепции отчуждения. — *Журнальный клуб Интелрос «Альтернативы»*. — № 3.

Наука и тоталитарная... 1993. *Наука и тоталитарная власть*. — *Философские исследования*. — № 3–4.

Научные труды... 1960(а). *Научные труды Московского технологического института легкой промышленности*. — М. — № 15.

Научные труды... 1960(б). *Научные труды Московского технологического института легкой промышленности*. — М. — № 17.

Неретина С.С. 2006. *Точки на зрении*. — СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии.

Неретина С.С. 2011. Современность — это гностицизм? — *Философский факультет. Ежегодник УРАО*. — № 2.

Неретина С.С., Огурцов А.П. 2014. *Онтология процесса. Процесс и время*. — М.: Голос.

Огурцов А.П. 1967. *Отчуждение, рефлексия и практика. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филос. наук*. — М.

Огурцов А.П. 1993. *Философия науки эпохи Просвещения*. — М.: ИФ РАН.

Огурцов А.П. 1995. *От натурфилософии к теории науки*. — М.: Институт философии РАН.

Огурцов А.П. 2005. Этнос науки и риторика: от нормативного разума к коммуникативной рациональности. — *Личность. Культура. Общество*. — № 27.

Огурцов А.П. 2010. Метафизика и способы обоснования исчисления вероятностей (разрозненные заметки). — *Вех. Философский журнал*. — № 8.

Огурцов А.П. 2011. *Философия науки: двадцатый век. Концепции и проблемы*. Т. 1. — СПб.: Изд. дом «Мирь».

Огурцов А.П. 2013. Поражение философии. — *Вех. Философский журнал*. — № 15.

Огурцов А.П. 2014. Этнос философии науки. — *Философия и культура*. — № 79.

Петров М.К. 1969. Предмет и цели изучения истории философии. — *Вопросы философии*. — № 2.

Пуцаев Ю.В. 2015. *Об одной попытке «спасти Просвещение» («Статья трех авторов» в свете современной ситуации)*. — Доступно: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1143&Itemid=52. — Дата обращения: 16.03.2016.

Резник М.Ю. 2005. Профессиональное кредо. Интервью [Ю.М. Резника] с профессором А.П. Огурцовым. — *Личность. Культура. Общество*. — № 27.

Резник Ю.М. 2010. Ещё раз о философии и о многом другом (интервью Ю.М. Резника с профессором А.П. Огурцовым, 2 июня 2009 г. — *Личность. Культура. Общество*. — № 53–54.

Философ и наука... 2016. *Философ и наука. Александр Павлович Огурцов*. / Отв. ред. С.С. Неретина. — М.: Голос.

Хайдеггер М. 1993(а). *Работы и размышления разных лет*. — М.: Республика.

Хайдеггер М. 1993(б). Письмо о гуманизме. — Хайдеггер М. *Время и бытие. Статьи и выступления*. — М.: Республика.

Хайдеггер М. 1997. *Бытие и время*. — М.: Ad Marginem.

Шиллер Ф. 1935. *Статьи по эстетике*. — М.-Л.: АКАДЕМИА.

Юбилейная сессия... 1960. *Юбилейная сессия МТИЛП*. — М.

Яковенко И.Г. 2012. *Что делать?* — Доступно: <http://libatriam.net/read/160804>. — Дата обращения: 29.07.2015.

Augustinus A. 1961. *Confessiones*. — London: Penguin Books, 1961.

Augustinus A. 1975. *De dialectica*. — Berlin: Springer Science & Business Media.

Vox. *Философский журнал*. — 2009. — № 6.